

Николай Марчук

Сказки мертвого мира

эпоха мертвых 10 лет спустя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Марчук

Сказки мертвого мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68627941

SelfPub; 2023

Аннотация

Прежний, сытый и живой мир умер. Сдох, как блудливый пес, сбитый машиной. Человечество умерло в горниле зомбиапокалипсиса. С начала эпидемии, превратившей мертвецов в кровожадных монстров прошло 10 лет. Людей на планете Земля стало заметно меньше, но оставшиеся, по своей кровожадности и хитрости не уступают ожившим мертвецам. Любые совпадения с реальными людьми и никнеймами – случайно!

Содержание

Глава 1	15
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	60
Глава 5	77
Глава 6	90
Глава 7	100
Глава 8	112
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Николай Марчук

Сказки мертвого мира

Пролог

Ночь выдалась холодной. Коньяк в пластиковой трехсотграммовой бутылке закончился часа за два до рассвета, ну, а зубы выдавать морзянку принялись, когда солнце почти выкатилось из-за горизонта. Мля! Знал бы взял не чекушку, а ноль пять или ноль семь. Не рассчитал. Хрен считаешь, если в одиночку и под открытым небом сплю впервые за последние несколько лет. Да и как тут поспишь, если раньше не протолкнуться было от оживших мертвецов и прочих «преlestей» зомби-Апокалипсиса.

Настолько вошло в привычку одно из правил ЗБ (это я так для краткости называю зомби-Апокалипсис) – наступила темнота – ищи надежное укрытие или спи по очереди с кем-то. А, вот так в одиночку, да в чистом поле, я спал последний раз, лет девять назад, когда меня бухого жена выгнала из дома и пришлось заночевать на детской площадке, в деревянном домике на курьих ножках. Тогда, кстати, и баба-Яга, под утро объявилась – дворничиха баба Зина – худое, костлявое создание неопределенного возраста, носящее круглый год, независимо от сезона и забортной температуры, облезлый шерстяной платок. Так вот, эта особа подкралась

ко мне, спящему здоровым богатырским сном алкоголика, и как двинет своей метлой. Обычно, когда я выпью меня хрен разбудишь, но видать долгие годы махания метлой настолько отточили её «чжань дао» (кто не знает, то это боковой удар режущей поверхностью меча в у-шу), что когда древко метлы влетело мне под ребра, я понял – хватит спать, пора вставать... и встал, а точнее вылетел «ласточкой» в окно... ну, как вылетел... выпал. При этом баба Зина, что-то верещала, про алкоголиков и прочих орков, которые ей мешают работать и «гадють повсюду». Я, между прочим, после этого случая, почти полгода не пил, жена нарадоваться не могла.

Жену жалко. Схарчили её. Прямо у меня на глазах и схарчили. По большому счету, только я один в её смерти и виноват – не надо было её тогда отпускать. Побегала дуреха оказывать помощь маленькой девочке, валявшейся в придорожной пыли. Видел же, что девчушка – не жилец, еще чуть-чуть и обратиться в мертвяка и жена видела, но все равно настояла на своем и побегала к бьющейся в конвульсиях девочке с окровавленным лицом. Ну, а я следом пошел, а точнее поплелся, бормоча под нос, что, дескать, нельзя так, мы ей ничем не поможем и так далее. А потом из кустов выпрыгнула здоровенная вундервафля, больше похожая на помесь горной гориллы и крокодила, и в один присест оторвала моей благоверной голову... а я сбежал. А фигли, если испугался так, что штаны обмочил. Ну, а вы бы не обмочили, когда на вас такая хрень прыгает?

Уже потом, когда узнал, что это за вундервафля на нас тогда напала и что они из себя эти «вафли» представляют, долго удивлялся – почему она меня не догнала и тоже башку мне не отвинтила. Повезло, наверное.

Мне, вообще, по жизни часто везет... можно сказать постоянно – то в столб на своем «корыте» въеду и ни одной царапины на моём брэнном туловище нет, машина, главное, в хлам, а мне хоть бы что, то как-то раз, сосед попросил, чтобы я у себя в гараже сумку с инструментом спрятал, а через пару дней, соседа, кто-то во дворе зарезал, а в той сумке, во все не инструмент оказался, а пистолет Макарова и пятьдесят тысяч долларов... понятное дело, что все это я себе тогда оставил – деньги потратил, а пестик заныкал до лучших, а вернее худших времен. Везунчик, одним словом!

Ох, как же я обрадовался «макарке», когда вся эта хрень с мертвецами началась! Пусть в магазине и было всего пять патронов, но тогда они мне и жене спасли жизнь. А как я себя ругал, что не удосужился купить ружье? И самое обидное, что всегда любил стрелять и деньги были и даже хороший знакомый в разрешительном отделе полиции, но все как-то не хотелось заморачиваться с документами и сейфом, опять же, жена была категорически против оружия в доме. Дура!

Что-то меня коньяк разморил и «пробило» на воспоминания. Может и правы те, кто утверждают, что «бухашка» – это зло и пить нельзя. Мне только интересно, в новом «мертвом» мире остались те, кто не пьют «горькую»? Это раньше

все были горазды корчить из себя праведников и толерастов, а сейчас в конце дня не выпьешь грамм сто и можешь «кони двинуть» от нервов или пулю себе в лоб пустить от избытка адреналина. Сколько этих самоубийств я за последние годы повидал? Сотни!

Особенно в самом начале, когда люди поняли, что старого мира уже никогда не будет и вот ЭТО вокруг – НАВСЕГДА! Даже я, признаюсь честно, пару раз хотел себе пулю в сердце пустить (в голову то нельзя, а то станешь потом откормом для очередной вундервафли), но как-то не сложилось, трус, наверное.

Оказывается, это капец, как тяжело – пулю себя закатать в лобешник? Вроде, вот он ПМ у тебя в руке, остается только нажать... и все – привет архангелы, здорово черти в Аду.

Ан, нет!

Страшно!

Руки дрожат, палец на спусковом крючке немеет и, кажется, как будто и вовсе указательного пальца нет. В общем, не застрелился я. О чем, собственно говоря, и не жалею! Человек ведь, скотина такая – ко всему привыкает: к бродячим мертвецам, прыгающим, как сайгаки-переростки вундервафлям и даже к отсутствию туалетной бумаги (последний факт напрягал больше всего).

Что-то меня унесло в лирику, воспоминания нахлынули, мать их так, коньяк, видать паленый был, вот и расчувствовался я. А, между прочим, в поле зрения уже появились два

пацика, которых, собственно говоря, здесь и караулю. Здесь, это в неглубокой расщелине-пещере, которыми изобиловал известковый склон оврага. Место удобное – можно и ноги вытянуть и даже вздремнуть, завесь только вход куском самодельной маскировочной сетки и все – пройдешь мимо и не заметишь.

Вот и пацики, прошагали метрах в двадцати от моего укрытия и даже ухом не повели, что за ними наблюдают. Осторожно сдернув сеть, я скоренько запихал её в заплечный рюкзак и, высунувшись наружу, огляделся. Вроде, чисто. Ну и ладненько. Пацики шли не торопясь, изредка оглядываясь по сторонам и перебрасываясь короткими фразами. Расслабились! Но, ничего сейчас я вас проучу.

Нагнал этих двоих, метров через триста, они как раз перевалили через невысокую гряду и, расстелив на земле «пенки» развалились на них. Один созерцал мир в оптический прицел СВД, а второй в бинокль – «десятку». Беспечно так валялись – по сторонам не смотрели, уперли свои зеньки в направлении села и хоть трава не расти, а вдруг на моем месте оказался бы голодный зомбак или еще хуже – вундервафля. Что тогда?

– Грабки вверх! – мой голос прозвучал неожиданно визгливо, видимо сказалось длительное молчание. – Только дайте мне повод, и я вас изуродую, как бог черепаху.

Пацики одновременно дернулись, тот, что с биноклем сразу же задрал руки над головой, смешно изгибая шею, а

вот второй попытался уйти перекатом в сторону, но сделать это, держа в руках ружжо длиной больше метра тяжело, вот и у него, ничего не получилось.

Мой семьдесят четвертый калаш выплюнул короткую очередь, как бы намекая, что я очень недоволен такими телодвижениями врага и пацик отбросил винтовку в сторону, и тоже поднял руки вверх.

– Руки! Руки выверни! Да, бля, сильнее вытягивай, что я, по-твоему, напрягаться должен?! – пинок под ребра заставил одного из парней вытянуть руки сильнее, что позволило мне стянуть его запястья пластиковой стяжкой.

Стянув запястья и лодыжки парней пластиковыми стяжками, оттащил их немного ниже по склону, где и бросил лежать на сырой, после утреннего тумана земле. Пленные несколько раз пытались со мной заговорить, выясняя, что мне от них надо, но настроения говорить не было, так, что, каждую такую попытку пресекал пинком по ребрам или яйцам. Думаете жестоко? А мне пофигу, я их все равно убью минут через десять!

Заняв место стрелка на коврике, оглядел в прицел раскинувшееся в полукилометре село. Можно было и не глядеть особо, я в этой селухе частенько бывал. Вон, в том доме с синей крышей жила моя знакомая, у которой ночевал, когда заезжал в их село. А вон в том доме, живет дядька, который «торчит» мне пятьдесят монет золотом, и ведь, зараза, такая не особо и спешит возвращать долг, хотя все сроки уже вы-

шли. О, идея, а вот с него мы и начнем, тем более, что и сам должник сейчас как раз на улице – рубит дрова.

Перед тем как открыть стрельбу, тщательно огляделся вокруг, не хотелось повторять ошибки моих пленников.

Должника свалил с шестого выстрела – ну, что могу поделывать СВД – это не мое и стрелок из меня тот еще, да и расстояние приличное – метров шестьсот. Повезло еще, что должник, как услышал выстрелы, упал на землю и спрятался за деревянной колодой, но с моей позиции он был как на ладони. Остальные четыре патрона выпустил по капоту «Урала» стоящего возле управы села.

Только отстреляв еще два полных магазина, увидел, что в селе, наконец, заметили, что у них неприятности и по ним стреляют – раздались ответные выстрелы, заревел гудок сирены. Ну, слава богу, а то трофейных магазинов к СВД было всего четыре и что делать дальше, когда закончатся патроны, я не представлял, ну не из калаша же садить, когда до цели почти полкилометра!

Скатившись вниз по склону холма, аккуратно положил винтовку на землю, а потом разрезал ножом стяжки на ногах пациков.

– Встали и полезли на вершину гряды! – приказал я.

– Нас могут застрелить! – нахмурившись, выкрикнул один из парней, тот, что был с биноклем.

– Вот именно, что могут, а если не пойдете, то я вас наверняка застрелю!

Парни переглянулись и медленно пошли вверх по склону. Две коротких очереди, выпущенные им под ноги, заставили ускориться и на вершину гряды они вбежали.

– Стоять! – громко крикнул я, когда спринтеры были почти на вершине холма.

Парни как по команде остановились, и ошалело завертели головами в поисках укрытия. А укрытия то нет! Впереди пологий и лысый, как череп Ленина склон, а позади я с автоматом наперевес.

Дозорные в селухе видимо разглядели бедолаг на вершине гряды и открыли по ним огонь. Парни, ни секунды не медля, спрыгнули вниз, ко мне.

– Ай, ой! – закричал тот пацк, что был вооружен СВДешкой. – Меня ранили!

Пуля пробила навывлет плечо, из раны обильно текла кровь, вырываясь частыми толчками. Пацан попытался встать на ноги, но у него это не получилось, и он плюхнулся на задницу. Чем сильнее текла кровь из раны, тем белее становилась кожа на лице подранка.

– Перевяжи его! – закричал второй пацк. – Пакет у меня в кармане.

– Ага, щас! – прошептал я, оглядываясь вокруг: то ли показалось, то ли рядом кто-то есть. Надо сваливать по-быстрому!

Две коротких очереди и оба пацка отправились в страну вечной охоты, где зеленые пастбища, кисельные берега и

пышногрудые валькирии... ну или как там правильно говорить?

Разрезал пластиковые стяжки на ногах, собрав обрезки в карман, побежал вниз по склону. Трофеев брать не стал, хотя снайперская винтовка и АКМ – вполне неплохой гешефт. Но не сегодня, не сегодня.

Пробежав метров двести, оглянулся и еще раз осмотрелся. Все-таки есть четкое чувство, что кто-то за мной наблюдает со стороны. Чувствую я такие вещи... не так часто, как хотелось бы, но чувствую. Вроде никого нет. А даже если и был бы, сразу стрелять не стал – значит безоружный, соответственно он мне и в буй не впился. Меня со стороны фиг опознаешь: роста среднего, комплекции – средней (не худющий дрыщ, но и жирный пузан), лицо закрыто балаклавой, из одежды старая армейская «флора», из оружия – «весло» АК-74 – одним словом человек – невидимка. Нас таких одиночек наемников по простором постАпокалипсического мира столько шляется, что хрен за всеми уследишь.

Когда «нырял» в лесопосадку еще раз огляделся – все тихо, не считая отголосков стрельбы со стороны села (и в кого они там интересно «шмаляют», если я убежал?). Один из пациков уже «встал» и, присевши над своим окончательно мертвым собратом, принялся его жрать. Вроде, все по плану. Ну и славненько!

За двадцать минут добежал до места, где спрятал часть вещей, выгреб рюкзак и тубус разового гранатомета. Побе-

жал дальше, а чего стоять, волка, как известно ноги кормят, а значит, и меня они прокормят.

Группа быстрого реагирования появилась минут через тридцать (ну, вот и какая она тогда группа *быстрого* реагирования, если с того момента когда я открыл огонь по селу из СВД прошло, почитай больше часа). Встречная засада была готова по всем канонам – на дороге установлено СВУ, подготовлено несколько огневых точек.

Ба-бах! – взрыв двух килограммов тротила перевернул ГАЗон на бок, а чрез секунду противотанковая граната «клюнула» идущий следом за грузовиком УАЗ в переднее колесо. Взрыв смял легковушку и она, перевернувшись через капот, упала на крышу, так и осталась лежать. Особо не целясь, выпустил в сторону объятых пламенем машин один за другим два магазина-тридцатки.

Отстрелялся и убежал.

А чего там стоять, если все декорации были подготовлены заранее: стреляные гильзы разного калибра разбросаны в кустах, ну и так – кое-какая мелочь, которая может многое рассказать о своих владельцах.

Все! Дело сделано, теперь надо бежать быстро, как ужаленный в одно место спринтер, чтобы успеть отметить еще в паре – тройке мест... ну, а потом на катер и домой.

Как домой вернусь, натяну на себя привычную личину добропорядочного гражданина, а потом вместе с остальными соседями-поселенцами поеду выражать соболезнования

в соседнее село, где какой-то зылдѣнь (а мы с вами знаем, что это был я) устроил кровавую засаду.

Глава 1

С навалившимися, как снег на голову проблемами, удалось расправиться только ближе к вечеру, но зато переделал целую уйму дел: встретился с группой наемников, обговорил условия контракта, расплатился за взрывчатку, прикупил три десятка РПГ-26, договорился с местными шерифами об охране нашего торгового представительства, оплатил аренду офиса и склада. Вроде, все, что планировал, выполнил, а это значит, что оставшееся время можно посвятить себе любимому.

Чем ближе к сумеркам, тем больше изменялся облик Толкучки: зажигались фонари, лавки и магазины закрывались, а вот увеселительные заведения, наоборот, «выползали» на улицу, пытаясь захватить все свободное пространство. На потрескавшийся от времени асфальт выносили легкие пластиковые стулья и столики, за которыми тут же размещались приезжие и местные любители алкоголя.

Можно было пойти в закрытую часть городка, благо доступ в неё был разрешен еще в прошлом году, но, там, наоборот, к вечеру все затихало и успокаивалось, оно и понятно, кто же захочет, чтобы вблизи жилищ сильных мира сего расхаживали пьяницы и алкаши. Нет уж лучше пройтись дальше по улице и заскочить в небольшую харчевню, где распо-

лагался второй этаж «для своих».

Кафешка со звучным названием «Кафе» было открыто, пластиковая дверь, неопределенной расцветки, была снята с петель и стояла прислоненная к стене.

– Зин, а чего с дверью? – спросил я, заходя в темное нутро прихожей.

– Иваныч, зараза такая, снял её еще на прошлой неделе, говорил: на пять минут, что-то там подрегулировать хотел, вот она и стоит так до сих пор, – толстая тетка, одетая в белый халат работников общепита, растеряно ответила мне и продолжила заниматься очень важным делом – созерцать плакат с Дмитрием Маликовым, висящем на стене. – А ты как, по делу или пожрать?

– Ну, это смотря, кто у вас наверху.

– Дык, там почти все *ваши* собралась, ждут чего-то, – тетка печально вздохнула и достала из кармана семечки принялась их лузгать, сплевывая шелуху себе под ноги. – Ну, так что? По делу или пожрать?

– А, Лысый Бомбист здесь?

– Здесь, – совсем печально вздохнула тетка, – куда без него.

– А, ну, тогда по делу, ну и пожрать. Чего у вас сегодня в меню самое свежее и вкусное?

– Во фритюрницу залили свежее масло, так что чебуреки и беляши идут на ура, потом еще Армянин вчера замариновал килограмм двадцать мяса, так что должен быть шашлык,

ну и так по мелочи – есть копченый балык, три литра черной икры и Ганза притащил два мешка дичи, – перечислила сегодняшнее меню тетка. – Тебе чего?

– Того же, что и Бомбисту, – не стал я особо выдумывать, зная что у нас с лысым сходятся кулинарные пристрастия. – Ну, а по спиртному, ты сама знаешь – литр «Хреновухи №17».

– А может не надо? – жалобно пискнула тетка и горестно вздохнула, что мне даже стало интересно, чего это она так убивается. – Может сегодня без «синьки» обойдетесь?

– Зин, ты чего? – удивился я. – Случилось что?

– Бомбист, хрен лысый, притащил с собой рюкзак. А ты же сам знаешь, что он в рюкзаке может таскать. Взлетим на воздух, ко всем чертям!

– Не ссы! – легкомысленно ответил я. – Здесь все свои, не будет Бомбист своих взрывать!

– Да?! А кто два месяца назад по пьянее решил испытать мини-гранатомет? Полстены в доме у Дяди Гриши вывалили! Скажешь, там тоже были не все СВОИ?!

– Не, ну ты сравнила фал с пальцем! То были полевые испытания, а сейчас просто дружеские посиделки, – бросил я через плечо, поднимаясь вверх по лестнице.

На прилавке перед толстухой остались лежать несколько золотых монет. Это ей на будущее, авансовый платеж, так сказать. Пока лишние деньги есть, надо сделать как можно больше длительных инвестиций (во как заговорил, это

во мне отголоски прошлой жизни откликаются). Я ведь когда-то был успешным менеджером, среднего звена, который, как известно, не работает «под», а работает «на» и главное это не человек, а его карьера!

На самом деле тете Зине было всего двадцать девять лет, но выглядела она на все пятьдесят. Избыточный вес и глубокие морщины, надежно скрывали настоящий возраст. Парни рассказывали, что в самом начале ЗБ, Зина просидела запертая на балконе больше недели. С седьмого этажа, она понятное дело выбраться не могла, а внутри квартиры её поджидали голодные умершие родители. Вот девка и тронулась умишком, из-за чего все эти внешние изменения с ней и произошли... гормоны-с! Старый Армянин пожалел девку и оставил у себя в кафешке на раздаче и выносной торговли, где она уже и отъелась до нынешних габаритов.

Второй этаж «Кафе» был намного больше первого и выглядел куда приличней, мало того, опытный глаз мог даже заметить некое подобие дизайнерского ремонта или как там называют попытку стилизовать помещение под старину. Нарочито грубая кладка кирпича на стенах, лишь в некоторых местах тронутая штукатуркой, высокие стрельчатые окна и закопченный гарью потолок – чем не старинный замок, какого-нибудь принца Фебуса, на просторах средневековой Франции? Да, и, кстати, забыл добавить, что здесь же располагался большущий камин – очаг с самой настоящей жаровней.

Похоже, что основное веселье еще не началось – двое парней только начали двигать тяжелые столы, сдвигая их, друг к другу.

– О! Какие люди? – раздался радостный крик. – А, я думаю, кто меня сегодня угощать будет?

Ага, вот и Лысый Бомбист, собственной персоной. Лысый Бомбист, как не трудно было догадаться, был совершенно не лысым. Я бы даже сказал, совершенно наоборот – густоте и пышности шевелюре мог позавидовать сам Киркоров, да, что там Киркоров, сам...блин! Хотелось для сравнения еще кого-нибудь с густой растительностью на голове вспомнить, но что-то ничего не припомнилось...а, нет, подождите, вспомнил! Сам Карл Маркс и Фридрих Энгельс могли бы позавидовать шевелюре Лысого Бомбиста! И еще, если кто не знает, то Карл Маркс и Фридрих Энгельс – это не муж и жена, а четыре разных человека!

– эЛБэ, а у тебя, что нет денег, – спросил я, уклоняясь от Бомбиста, которых раскинул в стороны свои огромные ручки, в надежде обнять меня. – А, может, я не собираюсь спонсировать твой желудок?

– Во-первых, не фиг меня называть эЛБэ, мне это не нравится. А, во-вторых, кто сегодня купил полтонны взрывчатки? И, что ты хочешь сказать, что тебе кто-то другой будет мастырить СВУ?

– Поттише! – шикнул я на Бомбиста. – Чё орешь?

– Да, ладно тебе, кругом ведь все свои, – перешел не ше-

пот Бомбист. – Между прочим уже вся Толкучка знает, что ты сегодня купил полтонны взрывчатки и несколько десятков разовых гранатометов. Так, что совершенно не понимаю, зачем шифроваться?

– Если шифруюсь, значит надо, – вскинув руку над головой, в знак приветствия с остальными присутствующими, я ухватил за рукав Бомбиста и оттащил его в сторону, подальше от остальных. – Лысый, у тебя есть радиодетонаторы? Штук двадцать – тридцать?

– Ну, допустим, есть? И, что?

– Продай.

– Монета за каждый и два кило тротила сверху, за молчание.

– Обосрешься, – я начал торг. – Пять монет за двадцать детонаторов и кило тротила.

– Уху ел? – глаза Бомбиста азартно заблестели. Эта волосатая обезьяна страсть как любила торговаться. – Пятнадцать монет за все и полтора кило тротила!

– Десять монет и кило тротила.

– Нет. Двенадцать монет и кило триста.

– Десять монет и кило тротила.

– Да, что ты заладил: «Десять монет, десять монет», – перекривлял меня Бомбист. – Одиннадцать монет и кило тротила.

– Семь монет и фал тебе в жопу, а не тротил!

– Ах, так! Тогда я больше никогда не буду ничего вашим

делать, и не проси! Десять монет и кило тротила!

– По рукам! – радостно воскликнул я и чтобы Бомбист не успел опомниться, вытащил из кармана «разгрузки» пригоршню, заранее приготовленных золотых круглешков. – А, тротил заберешь завтра утром из моей машины.

– А, чего так быстро согласился? – удивился Бомбист. – Хочешь сказать, что я продешевил?

– Забей! – отмахнулся я от приятеля, которого мог жутко обидеть факт упущенной выгоды. – Тротила будет не кило, а кило двести. Он в брусках по четыреста грамм.

– Ладно. Но, учти сегодняшней достархан за твой счет. Понял?

– Кто бы сомневался. Расскажи лучше, что здесь у вас нового?

– У нас как всегда: то неделю затишье, то, как будто вулкан просыпается. К примеру, на прошлой неделе, *зеленые* накрыли подпольную типографию, думали, что в ней книги печатают, а оказалось деньги, для одного из северных анклавов клепали.

– И, что разгромили фальшивомонетчиков?

– Нет, конечно. В долю вошли, одного из этих деньголяпов, даже наградили особым статусом и разрешили с семьей жить в закрытой зоне. Прикинь? Книги «налево» печатать нельзя, а деньги – можно!

– Не, ну ты тоже сравнил: то КНИГИ, а то деньги. Помнишь как в том фильме: «то дети, а то бензин».

– А пару дней назад, на Толкучку прикатили вояки, во главе с Борисом Громовым. И что ты думаешь? В книжных рядах один из торгашей пытался продать Борису его же книгу. Причем не официальное издание, а пиратскую копию.

– И, что? – не на шутку заинтересовался я. Вояки были легки на расправу, а выдумщики и охальники такие, каких свет не видывал.

– Да, ни чё! – отмахнулся рукой Бомбист. – Главный ихний, ну, этот Громов, говорит: «раз ты пират, значит у тебя не должно быть одного глаза и одной ноги». Понятное дело, что торгош проникся серьезностью момента и тут же предложил компенсировать, так сказать материально, упущенную автором прибыль. Вроде как, двести монет отсыпал.

– И, что вояки даже бедолагу не побили?

– Нет, только «случайно» БТРоМ в витрину магазина захали и все.

Зеленые – это особо ответственные обитатели Толкучки, которые взяли на себя функции поддержания правопорядка в этом анклавe, некий аналог шерифов, как на Диком Западе. Почему их так назвали в первый раз, уже никто не вспомнит, но термин прижился. Зеленые, это как бы самоорганизация простых граждан, призванная защитить самих себя. Анархия! При этом, сами зеленые воспринимались остальными обитателями анклава, как неминуемое зло – вроде как и с ними плохо, потому что они заставляют жить по правилам, но и без них нельзя потому что убери зеленых... и все! – за-

хлебнетесь от беззакония.

Думаете, почему Бомбист сравнивал фальшивомонетчество и книгопечатание? Есть в новых реалиях мертвого мира свои заморочки. Казалось бы, апокалипсис, конец света, всеобщий ай-ай-яй, кому какое дело до книг, ан нет! Развлечений то особых никаких нет. Интернет с социальными сетями, всякими там мордокнигами, фконтрактами и прочими одноглазниками, канул, так сказать влету, порносайтов нет, мыльных опер и прочей розовой жвачки нет. Даже «Дом 2», и тот, говорят, еще в самом начале вундервафли подчистую сожрали. Короче, никаких развлечений, которые давали нам голубые экраны мониторов и телевизоров, нет.

И что осталось? Правильно? Книги! Но, если раньше, бумажные книги – это был анархизм, ведь все читали в электронном виде, то теперь бумажная книга, вновь стала не хилым видом заработка, совсем как в начале девяностых, когда, как говорят знающие люди, можно было «поднимать» по десять тысяч процентов на книгоиздании, совершенно не заботясь о качестве издаваемого материала. При этом и проблема книжного пиратства тоже изменилась в связи с новыми обстоятельствами. Раньше пираты «воровали» книги и выкладывали их в интернете, где их могли скачать и прочесть каждый желающий, то теперь книги сканировались, копировались и даже переписывались вручную. Да, что там говорить, библиотеки и избы-читальни – вот один из самых прибыльных бизнесов нового времени (не считая, конечно,

работоторговли, торговли оружием, наркоторговли, топливно-го бизнеса, наемничества и самогоноварения), ну, может про книги, я немного загнул, но все равно, в приходом толстой пушной лисицы, бумажные книги вновь стали лучшим подарком!

Вы, конечно, можете мне возразить, типа, ты чё гонишь, приятель, все же знают, что во времена смуты самое лучшее развлечение это: бои без правил, изнасилование монашек и гонки на выживание, а еще каннибализм. Ага, щазз! Это в ваше мирное, сытое время, сидя жирной задницей на продавленном диване, кажется, что так все и будет. Ну, еще бы, ведь, именно такой сюжет показывают во всех фильмах про выживание после Судного дня. А нас самом деле всего этого насилия и так хватает за глаза просто в реальной жизни. А я сейчас говорю про развлечения и отдых! То есть прочтение книги в спокойной обстановке – это и есть лучший отдых. А все эти каннибалы, похотливые монашки и гонки на машинах – это суровые реалии жизни, от которых, так хочется сбежать в спокойный мир бумажной книги!

– Скучно.

– И не говори. Одна надежда, на Димку-сутенера со своим шмаровозом. Хоть какое-то развлечение. Говорят, что он из дальнего вояжа какую-то новую кралю привез, дескать, вылетая эльфийка. Глазища у неё огромные, уши острые, а талия тонкая-тонкая, что можно одной рукой обхватить, а вот сиськи, наоборот здоровые, что у нашей Зинки, – Бомбист

развел руки в разные стороны, пытаясь изобразить размер молочных желез эльфийки.

– На себе не показывай, говорят примета плохая, – со смешком одернул я Лысого. – Хорош, про баб, лучше скажи, что у нас сегодня здесь намечается.

– Да, как всегда по пятницам. Кулинарный батл из разряда, чего бы сожрать для души. Сейчас перехерячат целую гору жратвы, соревнуясь кто это сделает более изыскано.

– И что у них сегодня в программе? – спросил я, кивая на два больших стола, где уже возвышались разнокалиберные емкости и сосуды.

– Не знаю, но я краем глаза видел, как Ганза фаршировал фазана черной икрой.

– Брр! Лысый, а ты чего заказало то? – спохватился я.

– Шашлык, зелень, лепешки... и арбуз!

– Отлично! Давай так, если я за все плачу, тогда ты вали вниз и поторопи кухню, чтобы они не тянули с нашим заказом. И пусть хреновуху охладят как следует.

Бомбист громко сглотнул и стремглав бросился вниз. Ну, вот и хорошо, сейчас Бомбист наведет шухеру на кухне и минут через десять можно будет уже начать. Ну, а пока можно и по залу пройтись, поручкаться, так сказать с обществом.

Глава 2

Народу в зал набилось, как килек в банке – человек двадцать. Слава богу, что хозяин заведения был не курящим и поэтому всех кто желал подымить, выгоняли на крышу, а так уже бы так накурили, что не только топор можно вешать, но и остальной шанцевый инструмент, включая багры и ведра.

Оглядевшись вокруг, только сейчас сообразил, что выгляжу как бедный родственник на фоне более успешных и богатых сородичей. Блин! Знал бы, вырядился более эффектно, а так в старой «афганке», без разгрузки и всего с двумя отечественными пистолетами, как тот голый дядька, который расхаживал по улицам и все его обзывали королем.

Да-да!

В некоторых кругах считается верхом неприличия прийти в гости без автоматического оружия, ну, или хотя бы пистолетами и гранатами увешаться, что новогодняя елка. Хотя, если присмотреться, то костяк завсегдаем, как раз, особо оружием-то и не щеголяют, ну если не считать парочки оружиефилов и оружиеманов.

На самом деле оружия было не так уж и много, пистолеты, «укороты» и прочий короткоствол, яшень пень был у каждого, ну, а чего-то более серьезного, всего-то пара стволов на всю тусовку, и то принесены эти агрегаты, исключительно,

чтобы «вельмошановне панство» заценило новый девайс, в виде штурмовой рукояти, раскладывающейся в сошки или необычную форму приклада.

Ага, а вон как раз двое самых главных оружейных маньяков, как всегда решают кто из них самый маньячный маньяк в мире! На краю стола были разложены детали разобранного пистолета, вернее двух одинаковых пистолетов – знаменитый Маузер К-96. Тот самый, который был неотъемлемым атрибутом комсомолки в красном платке и кожаной тулупе. Оказывается, что старичок Маузер, является, чуть ли не самым сложным оружием по критерию сборки-разборки, там целая куча деталюшек, которые еще хрен выковыряешь даже используя целый набор вспомогательного инструмента: отверток, деревянных клиньев и прочих молотков. Сложнее, наверное, только пулемет Максима разбирать и чистить, а может и нет, не знаю, я не оружейный маньяк, так что не пробовал.

По команде, маньяки-оружиефилы принялись выхватывать из общей куче только им понятные детали и собирать пистолеты. Зрители довольно загудели, комментируя и деля ставки. Прошло минут десять, когда один из парней – Гоша Питерский поднял собранный Маузер над головой и нажал на спуск – боек сухо щелкнул, известив зрителей, что пистолет собран верно и готов к стрельбе.

– УРА!!!! – взревел зал.

– Каждый раз одно и то же, – скептически прокомменти-

ровал, вернувшийся с кухни Бомбист, в руках он нес большой прямоугольной формы поднос: – Заказываешь одно, а готовят совершенно другое. Так что я не стал дожидаться шашлыка и взял то, что было уже приготовлено.

Передо мной на столе появилась тарелка с чебуреками, нарезка копченого балыка, полулитровая банка с черной икрой, с воткнутой алюминиевой ложкой, несколько лепешек, пучок зеленого лука и квадратная бутылка с хреновухой.

– Для начала хватит, а потом, глядишь, и *эти* чего приготовят, – кивнув на сдвоенные столы, произнес Бомбист.

Бомбист разлил спиртное по стаканам и, подняв свой над головой, торжественно произнес:

– Так выпьем же за одного очень хорошего человека, который сегодня купил у одного из моих знакомых полтонны моей взрывчатки, тем самым он проспонсировал покупку одной вещи, – видимо в этот момент я выглядел очень глупо, потому что Лысый только и смог, что опрокинуть в себя стакан, а потом, вместо того, чтобы закусить термоядерный алкоголь, он согнулся в диком ржаче, тыча при этом в меня пальцем. – Нет, ты понял? Ты, у меня полтонны взрывчатки купил! А-ха-ха!

– Дурак! – кратко резюмировал я, и залпом выпил хреновуху.

Ёп! Огненный шар прокатился по пищеводу и взорвался в желудке как...как...сколько там тонн в тротиловом эквиваленте. Уф! После взрыва остался лишь легкое жжение

в горле. Все-таки Армянин – мужик! Его «хреновая водка» была лучшим напитком всех времен и народов!

– Еще по одной? – спросил Бомбист, разливая слегка желтоватую жидкость по стаканам. – Кажись меду и гвоздички добавил.

Ничего не ответив и не закусив, после первой порции, я опрокинул в себя второй стакан. Ё-мое! Хорошо-то как! Настойка прокатилась по пищеводу уже не так огненно, как в первый раз и от этого по телу разлилась такая приятная легкость, а в голове что-то тихонько звякнуло, и как будто где-то там внутри, разжалась тугая пружина, которая сковывала мои движения последние несколько дней, да, что там дней, месяцев!

– Давай еще по одной, – предложил я, протягивая свой стакан.

– Что, навалилось проблем? – понимающе подмигнул Бомбист. – Нажраться хочется? Не бойсь, это мы можем.

Третья стакашка пошла уж совсем легко. В голове слегка затуманилось, а желудок болевым спазмом известил о том, что вот уже как двенадцать часов я ничего не ел. Ну, что приступим? Первым делом я схватил два чебурека и, скрутив их наподобие рулета, откусил большой кусок еще горячего теста.

Чебуреки Армянин умел делать, да что там умел, он делал лучшие чебуреки, какие я только ел в жизни. Не знаю, как это у него получалось, но тесто всегда было тонким и обал-

денно вкусным, а корочка – румяной и усыпанная россыпью зажаренных пузырьков. Ну, о начинке и говорить не стоит, это надо попробовать – мелко нарезанное мясо нескольких видов. А самое поразительное, что если развернуть чебурек и вытрясти начинку на тарелку, то можно увидеть, что в ней очень много лука, но он совершенно не чувствуется. Чудеса!

– Бля! И как он их готовит? – скатывая по моему примеру два чебурека в рулет, спросил Бомбист.

– Все дело в тесте, – ответил я, утаскивая последнюю пару чебуреков. – Он когда замешивает тесто, в него сок лука добавляет, и для начинки лук маринует, вот и получается так вкусно.

– Вот хитрый армянин!

– Лысый, а ты чего не хвастаешься, тем, что купил. Колись, давай, на что потратил мои денежки, вырученные за продажу взрывчатки?

– Смотри и завидуй смиренный раб, – пафосно произнес Бомбист, развязывая шнуровку своего потертого рюкзака – мародерки. – Гля! Проникся! Последняя книга *Его*! А, как тебе?

На стол легла толстенная книга, больше похожа на гроссбух (кто не знает, это такая толстенная книга-журнал, в котором представлены итоговые данные по бухгалтерским отчетам и счетам). Взяв книгу в руки, неожиданно удивился её легкости, вроде и приличных размеров книжища, а на вес, так вовсе – пушинка. Обложка из серого плотного картона,

на котором изображен сидящий на скамейке мужик и рядом с которым, сидит приличных размеров псина. То ли художник шутник, то ли так было специально задумано, но собака и сидящий на скамейке мужик были охренительно похожи друг на друга. Называлась книга – «Обожатель».

– Ничего себе! – искренне поразился я. – Последняя? Сколько отвалил?

– Не последняя, а *крайняя!* – нравоучительно выставив указательный палец, произнес Бомбист. – До хрена отвалил, писец, как до хрена! Ну, ты сам понимаешь, я никак не мог, пропустит выход *Ego* новой книги. Шестьсот монет.

– Ни хуха себе! И про, что там? – кивнул я на книгу.

– Откуда я знаю? Если бы мне кто-то начал пересказывать сюжет, я бы его точно пристрелил, чтобы не портил впечатление. Но, наверное, как всегда – про любовь, дружбу, там, я не знаю. Короче, никаких мертвецов, гор оружия и прочих мутантов и психов.

– Слушай, а не до фига ли за книгу? Все-таки шестьсот монет, это же целое состояние, год можно жить и не работать. Тем более, что через пару недель после выхода книги, все равно пираты её растиражируют и буду из-под полы на каждом углу продавать.

– Нет, братан, вот тут, ты не угадал. Эта книга, просто вершина антипиратской мысли. Зацени!

Бомбист подтянул книгу к себе и раскрыл её на первой странице. Взглянув, я понял, почему книга такая толстая и

большая, но при этом такая легкая – страницы в книге были не бумажные, а из блестящей пленки. Ух, ты! Ловко это они придумали. Хрен ты такую страницу отсканируешь или скопируешь. После прохождения светоэлемента такая «страница» даст такой блик, что получится просто чёрное пятно – «страница Малевича».

– Согласен, скопировать нельзя, – пробубнил я, запихивая себе в рот кусок лепешки, густо намазанный черной икрой. – Но фто мефает, профто набрать текст на пefятной мафынке или компе.

– Не говори с набитым ртом, – сварливо произнес Бомбист, отряхивая титульную страницу книги. – Крошки летят во все стороны, не дай бог еще мне книгу испачкаешь. А для того, чтобы не перепечатали книгу, каждого кто её купил, предупреждают об ответственности за передачу книги в другие руки. Если кому книгу отдал, а тот её «слил» пиратам, то найдут и накажут в первую очередь тебя. Понял? – с этими словами Лысый показал регистрационный номер и короткую надпись, предупреждающую о том, что нарушение авторских прав карается смертельной казнью через четвертование.

– Не понял? – удивленно посмотрел я на друга. – А как они узнают, кто именно перепечатал книгу? Текст-то одинаковый, ну не будут же книго-пираты и регистрационный номер копировать. Все-таки они не дебилы!

– А вот на это тоже есть своя хитрость: каждый экземпляр

книги обладает своими особенностями. Пусть маленькими, всего два – три слова, но они есть. И достаточно будет взять «пиратскую копию» и сравнить по таблице этих самых особенностей, как тут же установишь, от кого у пиратов появилась эта книга. Понял?

– Хитро. Ну, а если взять два экземпляра и прочитав их, найти не состыковки. А?

– Дурак? Ты хоть сам понял, что сказал? Как можно прочитав книгу найти отличие всего в одном слове. Это ж каким книголюбом и маньяком надо быть?

– Таким как – Профессор! – я тут же нашел единственного знакомого мне кандидата на роль книжного маньяка.

– Не, ну Профессор, тот еще маньячина. Да и он один такой на всю Толкучку, другого такого эксперта по мирам все равно нет. Кстати, я тут подумал, что затея с микроизменениями в тексте – это точно его рук дело.

– Дашь почитать? – задал я самый главный вопрос.

– Легко, но только через три месяца, не раньше.

– А чего так долго?

– Через три месяца разрешат эту книгу покупать библиотекам и избам-читальням.

– Жадина!

– Сам дурак!

– Но, смотри, ты пообещал. Обманешь, буду тебя до конца жизни дразнить Каптаном!

– Слышь ты? За Каптана можно и в морду огрести!

– А легко, пошли вниз устроим турнир-мордобой.

– Нет, не пойду, лень, – утащив со стола последний кусок балыка, произнес Бомбист.

Каптан был одной из достопримечательностей Толкучки. Да и, кстати, Каптан – это не звание, это имя (я потом, про имена подробней расскажу, тут с этим делом, ваще полный швах). Так вот, о Каптане. Каптан – это Каптан, по другому и не скажешь. С виду вроде солидный дядька, в возрасте и очках, даже усы имеются, пусть куцые, но есть. И всё этот дядька Каптан знает обо всем и всех на свете. Ходячая энциклопедия и педивикия в одном лице. Его послушать, так он чуть ли не в Куликовской битве лично участвовал с ПКМ наперевес. Вроде и били его частенько и пару раз выгоняли за пределы анклава, а он все равно возвращается. Намазано ему здесь, что ли чем-то? В общем, после нескольких лет пребывания данного индивидуума в местных просторах, словосочетание – «пиздит, как Каптан», вошло в моду. Самое удивительное, что, похоже, самому Каптану, этот факт только льстил, ну еще бы такая известность.

– О-па-на! Задери меня Лерой! – встревожено произнес Бомбист. – Камрад, ты, это, того, если, что, то падай под стол. Понял?

– Чего?! – не понял я. – Бухой уже, что ли?

– К нам в гости два зеленых, – одними губами прошептал Лысый. – Скорее всего, это по мою душу.

Подняв голову, я заметил двоих, идущих напрямиком к на-

шему столу. Как та самонаводящаяся ракета, взявшая цель. Хреново! Если начнется стрельба, то, скорее всего, меня положат за компанию с Бомбистом.

Тут с этим просто – кто не спрятался, я не виноват!

А самое обидное, что даже нет смысла сопротивляться, ибо, как написано в правилах, которые никто не читает: сопротивление или оспаривание действий зеленых – смерть на месте!

– Здорово, мужики! – нарочито весело произнес один из зеленых, худощавый мужик лет пятидесяти. – О! Как знал, что у вас закуска закончится. Не против?

На стол легла большая тарелка с жареными на огне ребрышками, корзинка с еще горячими лепешками, несколько бутылок с соусами и плоское блюдо, на котором горкой вышло нечто тушеное и мясное, очень сильно похожее на потроха. Все это было принесено невысокой подавальщицей, которая пряталась за спинами зеленых.

– Ну, и в завершении натюрморта, оп-ля! – второй зеленый, молодой парень моих лет, с видом фокусника водрузил в центре стола полторалитровую бутылку коньяка. – Ну, что начнем?

Разлили по первой. Коньяк оказался вполне приличным, без посторонних привкусов и запахов. Минут пять все сидящие за столом, молча закусывали. Мы с Бомбистом, понятное дело, со скоростью шестидесяти четырех битных процессоров пытались вспомнить все свои косяки и залеты, чтобы

понять какого фига зеленые приперлись по наши души, ну, а грозные шерифы, видно, элементарно проголодались, потому что мели еду, как сидящие на диете дистрофики.

Я мысленно просчитывал ситуацию, пытаюсь понять, по мою душу шерифы пришли или нет? Не хотелось бы, чтобы по мою, а то я уже немного бухой и реакция не та!

– Это что такое? – нарушил тишину Бомбист, недоверчиво тыча вилкой в тарелку, с возвышавшейся горкой.

– Почки заячьи верченые, головы щучьи с чесноком, икра черная, кстати об икре, должна была быть еще черная икра, но кто-то на кухне ей приделал ножки, – пробубнил с набитым ртом молодой зеленый фразу из знаменитого фильма. – А это – заячьи потроха тушеные в сметане. Вкуснотища! Давай по второй.

Разлили по второй. Конечно коньяк после хреновухи, это скажем не то. Но, с другой стороны, на халяву и хлорка – творог.

С этими двумя зелеными, я был шапочно знаком и пару раз пересекались на общих попойках. Тот, что постарше и пощуплее носил странное имя – Казанский Матрас, именно так, не Матрос, а Матрас, а тот, что покрупнее и помоложе – Шрек. А вот с этим позывным все было более или менее понятно: во-первых, Шрек – зеленый, а во-вторых, характер, данный субъект имел скверный, как тот мультяшный орк и при каждом удобном случае размахивал старым, со стершимся воронением ТТ.

– Лысый, а ты в курсе, что мы закладываем сруб, для третьей по счету бани? – обмакивая кусок мяса в соус, как бы, между прочим, спросил Матрас.

– Ну, в курсе и чё? – натянутым голосом ответил Бомбист, как бы, между прочим, опуская правую руку под стол.

– Дурак, что ли? – Матрас заметил движения Бомбиста и вполне правильно его истолковал. – Куда ты грабки к пистолу тянешь? Понимать же должен, что не стали бы мы тебя в заведение у старого Армяна под белы рученьки вязать.

– А, чё тогда про баню намекаешь? – надулся Бомбист, но руку из-под стола не вытащил.

– А, что бы ты бородатый дурак, в следующий раз думал, перед тем как людей травить. Скажи спасибо, что те двое, всего лишь обосрались, а не отдали богу души. А прикинь, чтобы было бы, если те двое ласты склеили, а потом поднялись, да принялись людей кусать почему зря. Оно нам надо?

– Не фиг было ко мне приставать со всякой куйней! – с запалом воскликнул Бомбист, и неожиданно вскинув голову, победно изрек: – Ничего ты не докажешь начальник!

– А фули тут доказывать, к тебе пришли двое: Восемнадцать Восемьдесят Два и Хунта. Ты с ними распил ноль пять водки и эти двое, с подозрением на пищевое отравление попали в больничку. А тебе хоть бы хны. А во время застолья, при целой своре свидетелей ты орал, что, дескать, обосретесь вы пацаны, а бомбу я для вас делать не буду. Было? Было! Ну и кто, по-твоему, главный подозреваемый?

– Так и что? Я, то тут при чём? – возмутился Бомбист. – Пили из одной бутылки, закусывали из одной тарелки. Эти двое хлюпиков обосрались, а моя вина только в том, что у меня желудок крепкий?

Я облегченно вздохнул и махнул третью стопку коньяка. Пронесло! А то, я уж было подумал, что господа жандармо-шерифы по мою душу, а они всего лишь пришли пожурить шутника Бомбиста. Все-таки стоит признать, что зеленые были правы – когда-нибудь Бомбист точно допрыгается, и его навеки закатают в баню.

Насколько мне известно, то Лысый уже дважды бывал в бане: в первый раз его упекли на три дня, а во второй раз, дней на десять. Третий раз точно будет последним, вечный бан, так сказать. Что такое баня? Ну, если кто не знает, то это такое место, где люди моются, как правило, это невысокий крепенький бревенчатый сруб с маленьким окошечком и небольшой дверцей. Правильно? Но только, на Толкучке, зеленые охальники, эдакие, придумали басоту разную, да злодеев и прочих лихих людей, которые не желают жить по правилам, которых никто не читает, прятать на пару дней в баню, а попросту – запрут и не выпускают. Если сроку тебе томиться в тюремной бане – три дня, то ни есть, не пить, ни до ветру сходить тебе не дадут, а срок побольше, то могут пару стаканов воды налить, а могут и не налить, всякое бывало. Ну, а кто уж совсем косячину упорол, да так, что ни в какие ворота не лезет, то тут уж не обессудь, закатают тебя в баню

навечно, то есть совсем, капут, это если по-русски.

Знающие люди говорят, что там же под полом бани тебя и схоронят. А вы как думали? Просто так, что ли местные боятся нарваться на грозных зеленых и очутиться в бане? Попробуй, высиди в темном сыром срубе, зная, что совсем рядом, под твоими ногами, где там совсем неглубоко братская могила. И спешу напомнить, что вокруг царит время ЗомбиАпокалипсиса, это когда мертвые ни хрена не умирают, пока им черепушку не раскroiшь. Это только такие отморозки и социопаты, как Бомбист могли пережить подобное, а обычным людям лучше уж сразу штрафом откупиться или там какими общественно полезными работами, вроде чисти выгребных ям, ну, а лучше вообще не косячить и чтить законы.

– Если не секрет, чем тебе эти двое не понравились, что ты решил их травануть? – спросил я у Бомбиста, понимая, что зеленые сегодня добрые и Лысому ничего за его шалости не будет.

– Ну, не понравились и все! – не стал вдаваться в подробности Бомбист, видя, что оба зеленых с интересом ожидают его ответа. – Имена у них дурацкие были, вот и все!

Я, кажется, хотел рассказать об именах. Так вот, с именами, на Толкучке был полный алес. Дело в том, что при пересечении границ анклава Толкучка, надо было зарегистрироваться, тем самым соглашаясь с правилами, которые действовали в поселении. А регистрации предполагала под со-

бой указания имени, фамилия, ну, или на худой конец, прозвища по которому к тебе можно было обращаться. И шо вы думаете? То ли массовый психоз, то ли еще какая хрень, но нормальные человеческие имена, типа – Вова, Паша, Григорий Степанович – были не в моде. В моде были: клички, прозвища, погребухи, персональные звания и еще целая куча синонимов, которыми можно обозвать человека. Тут тебе и всё животное и растительное царство, тут и мифология вперемешку с мракобесьем, и целая гора всяких там: Героев, Викингов, Кайзеров, Царей и прочих Зулусов с Мармонами. А уж знаменитостей передергивали, как хотели, были и Ленины, и Сталины и хрен знает еще кто. Самыми распространенными, конечно, были brutальные клички: Волк, Свирепый волк, Матерый волк, Одинокий волк, Морской волк, фиг знает какой еще волк, ну или там тигры, пантеры и бурундуки. Бардак, одним словом, но местным жутко нравилось, поэтому на вопрос: «Как тебя зовут?», можно было услышать не просто имя или кличку, но даже набор цифр или абракадабру из букв.

– Ну, хоть расскажи, как ты сумел им слабительное подмешать, что они не заметили, – ненавязчиво так, как бы между делом спросил Матрас.

– Да, я руку, – начал было Бомбист, но тут же осекся, и с вызовом произнес: – Ничего я никому не подмешивал, а вы пейте, пейте, гости дорогие!

Оба зеленых как по команде поставили налитые стопки

на стол.

– Ладно, попили, поели, теперь можно и о деле, – деловито произнес старший зеленый, демонстративно не глядя на Бомбиста, обращаясь ко мне. – Камрад, говорят, что ты теперь в вашем анклав стал большой шишкой, чуть ли не наследником Полковника? АКМ его дома у себя на ковре повесил. Совет твой нужен, ну, и если согласишься, то небольшая помощь.

– Да какой там наследник, – отмахнулся я. – Просто последние несколько лет Полковник везде таскал меня с собой, вроде как советника по различным не армейским делам, вот народ и привык видеть нас вместе и считать меня, чуть ли не правой его рукой. А так, там и без меня народу на роль занять трон Полковника хватает. А что за совет то нужен?

– Не знаю, знаешь ты или нет, но позавчера рядом с вашим анклавом произошел один неприятный инцидент: двое парняг из Черногорки обстреляли соседнее село Нижнекаменку из СВД. Есть несколько погибших и пара-тройка раненых. А через час группа быстрого реагирования из той же Черногорки попала в засаду, их машины обстреляли из РПГ. Восемь трупов и десяток раненых. Как ты сам понимаешь, обстановка у вас там накалилась. Как, думаешь, выльется во что-то большое или утихнет?

– Епать твою в коромысло! – удивлено присвистнул я. – Это писец! Если не уймутся, то может начаться серьезный замес. Главы Черногорки и Нижнекаменки на ножах, друг

друга на дух не переносят. Это у них еще с армейки контры, вроде как, там кто-то, у кого-то жену увел. Вот они и враждуют. А самое смешное, что блудливая жинка, ушла к третьему мужику, – коротко усмехнулся я, а потом продолжил. – Пока Полковник был жив, он всю округу держал в железном кулаке, а как умер, оно вон как получилось, – грустно произнес я, и разлили остатки коньяка по стаканам. – За Полковника! Хороший был мужик!

Выпили не чокаясь. Полковник действительно был хорошим человеком, немного жестким, даже жестоким, с вспыльчивым характером, но с какими-то своими принципами и понятиями – классическое «совковое» офицерское воспитание. Я очень часто его не понимал, но так, же часто видел, что старик оказывается прав.

– Я, это, отойду до ветру, ладно, – немного смущаясь, произнес Бомбист, вставая из-за стола. – Камрад, тебя как эти двое душегубов отпустят, найдешь меня, пойдем на эльфийку Димки-сутенера смотреть. Договорились?

Я кивнул головой в знак согласия, хотя не очень хотелось идти по бабам. После того что я только что услышал, хотелось одного – побыстрее валить домой, а то как бы там до серьезной бучи дело не дошло.

– Мой вам совет: не ходите к Димке-сутенеру, разочаруетесь. Эльфийка, на самом деле, трансвестит, – ухмыляясь как кот Матроскин из Простаквашино, произнес Казанский Матрас.

– Да, ты гонишь! Ик, – пьяно икнув, выдал Бомбист. – Все знают, что вы с Димкой, друг на друга, вечно напраслину наводите.

– А что за помощь вам от меня нужна? – спросил я у зеленых, когда Бомбист удалился от нашего стола.

– Возьмешь с собой пару наших ребят. Три человека. Обузой тебе не будут, – осторожно начал Шрек. – Сам понимаешь, ваше направление в последнее время, очень перспективно для Толкучки. Много товаров идет от вас. Не хотелось бы потерять все это из-за начавшейся войны.

– А чем могут помочь всего три человека? – скептически спросил я. Честно говоря, совершенно не хотелось тащить с собой чужаков.

– А разведка никогда не бывает многочисленной, – философски произнес Матрас. – Ты же сейчас понимаешь, что мы именно к тебе пришли. Потому что считаем тебя своим, а ведь могли бы и к парням из сотни Стрыкова подкатить, они только сегодня утром привезли груз.

– Я понял, фигли тут не понять, хотите наш поселок под себя подмять, – сморщившись, как после кислого лимона прошептал я. – Стрыкова то вам не проглотить, у него почти-тай тыща стволов.

– Дурак человек, – Матрас закинул себе в рот остатки лепешки. – Как мы можем вас поглотить, если нас разделяет больше пятисот километров, да мы на одной переброски сил разоримся. Нам просто надо быть в курсе происходящего,

чтобы в случае чего помочь в первую очередь вам.

– А с чего вдруг такая благотворительность? – сморщился я еще больше. Мир после ЗБ научил меня одному – никому нельзя доверять, никому! – Почему именно наш поселок?

– Потому что вы единственные в округе, кто после смерти Полковника не пытался «тащить одеяло на себя». Опять же, торговое представительство на Толкучке открываете. Развитие, бизнес, все такое! Короче, Камрад, харэ из себя целку корчить! Помогите, когда хорошие люди просят, а ты знаешь, за нами не заржавеет.

– Хорошо, – немного подумав для виду, согласился я. – Только одно условие – поедут на моем транспорте, и их безопасность я гарантирую только в пути, как приедем на место, пусть сами о себе заботятся. За периметр поселка выгонять не буду, но и охрану к ним представлять не стану. Если они вдруг решать за забором прогуляться и там их схарчат, то меня это не касается. Договорились?

– Договорились! – хором ответили зеленые.

Демонстративно проигнорировав только что налитый стакан коньяка, встал из-за стола и пошел искать Бомбиста. Провели меня зеленые, как пацана провели. Повелся на халлявный коньяк, и малость перебрал. А эти черти хитровывернутые только после приличной дозы огненной воды выдали новость о беспорядках у нас дома. И что теперь делать? Бежать куда-то ночью, собирая по всей Толкучке своих людей, не имело никакого смысла, все равно хрен кого най-

дешь, потому что добрая половина, если не все, зависли в кабаках, притонах и прочих библиотеках. Ладно, завтра утром со всем разберусь.

Как я и предполагал Лысый оказался за самым шумным столом. Бомбист вскарабкался на стул и оттуда вещал очередную свою историю, судя по широко разведенным рукам, Лысый сейчас показывал какую он рыбу поймал на рыбалке, а может и что-то другое. Народ вокруг ржал как безумный, особо слабые валились на пол где и бились в истерике. Оглядевшись. В очередной раз убедился, что общие пьянки на Толкучке идут по одному и тому же сценарию: вначале, пока еще более-менее трезвые говорят про оружие, потому про сиськи, ну, а когда уж совсем напьются, то про юмор, анекдоты и прочие курьезные случаи.

– Лысый, пошли, пройдемся, – ухватив товарища за рукав, стащил я Бомбиста со стула.

– О, Комарад, жив?! – искренне удивился пьяный в стельку Бомбист. – Ура! Налейте ему штрафную! – пьяно икнув, заорал Лысый.

Видимо этот крик был последней каплей, застававший вестибулярный аппарат Бомбист уйти на покой, громко хлопнув дверью – Лысый качнулся в сторону и упал на пол.

– Чего это он?! – спросил я, у громко кричащего от радости парня, стоявшего рядом.

– Фули, если он на спор засадил литр темного крепленого, – лыбясь во все свои выбитые зубы прокричал парень. –

Хочешь пива?

Ничего не ответив, я отмахнулся от предложенной выпивки и, стараясь никого не зацепить, прокрался к выходу. О Бомбисте не стоило беспокоиться, Старый Армян своих не бросает, и можно быть уверенным, что Лысого поутру отташат в его хибару, ну или здесь оставят отсыпаться, а то может быть, что к утру просто не кому будет растаскивать «убитых». Все-таки, чаще всего битву с алкоголем завсегда-тай «Кафе» проигрывали вчистую.

Свежий ночной воздух немного прояснил голову, и я бездумно зашагал по улице в сторону ярко горящий огней. Где-то там, ближе к центру, на небольшой площади, рядом с пересохшим фонтаном должен стоять ярко-красный даблдекер (опять же, если кто не в курсе, то это двухэтажный автобус, который считается визитной карточкой Лондона). Красный даблдекер, он же шмаровоз – был передвижным бордель Димки-Сутенера, который странствовал по округе. Сам же Сутенер свое заведение гордо именовал – лупанарием, что это означает, никто не знал, но звучало красиво.

Пойти, что ли и, правда посмотреть на загадочную и шибко разрекламированную эльфику? – это была моей последней адекватной мыслью за вечер.

Глава 3

Очнулся, как и планировал в шесть утра. Вот на хрена мне такая жизнь?! Бля, лучше бы я вчера умер. Хреново-то как. Ну, почему бы не поспать еще часок – другой? Нет. Организм, сука такая, будет меня каждый день в шесть утра, даже если я лег в 5.30, он все равно, зараза такая, в 6.00 поднимет хозяина (то есть меня). Ненавижу!

Эх, поваляться бы в теплой постели, да нельзя, надо собирать своих архаровцев, да валить домой, пока он, этот дом, еще есть.

Самое удивительное, что синдромов похмелюс вульгарис не было. Ни тебе сушняка во рту, как будто там испражнялись толпы пионеров, ни тебе ломоты в костях и жуткой головной боли. Имело место только лень и желание еще поспать, тем более, что рядом со мной, под одним одеялом, так сказать, лежала девица весьма аппетитных форм и пропорций, единственным недостатком которой была короткая стрижка. Спросите, чем тебе харя наглая, короткая женская стрижка не угодила? Отвечу: люблю, знаете ли, во время некоторых телодвижений женскую шевелюру на кулак наматывать! Ладно, надо сделать над собой усилие и вылезать из теплой постели и бежать спасать мир!

Собрать вещи, разбросанные по всей комнате, удалось довольно быстро – минут пять-семь, не нашел только одного носка и одного магазина для ПМа, их точно было восемь, а нашел только семь. Фиг с ним с этим магазином, а вот носка реально жалко, совсем новый ведь был зараза, всего как два дня назад надетый. Пришлось надевать второй носок женский, благо что тоже черного цвета, ну и что, что мал, главное, что цел!

Место обитания прелестной нимфы покинул совершенно бесшумно, аки тать ночной, причем проявив нешуточное благородство – оставил на прикроватном столике несколько золотых монет, заслужила деффка, чего уж там скромничать, заслужила!

На улице было еще темно, но судя по суете, рассвет не за горами – торговцы открывали свои магазины, склады и лавки. Кто-то привозил новый товар, кто-то вытаскивал баулы с закупленным товаром – в общем, торговая жизнь была ключом.

На Толкучке было принято, чтобы с шести и до восьми утра магазины опускали цены, так как в это время закупались оптовики и прочие коммерсанты, ну, а уж после восьми, цены взлетали вверх, где и держались до самого закрытия магазинов. Именно торговля, была главной статьей дохода жителей Толкучки, дело в том, что анклав располагался очень выгодно с точки зрения торговых путей. По факту Толкучка – это город-рынок, город-базар.

Это раньше можно было получать товар с Дальнего Востока сидя в офисе где-нибудь на окраине Калининграда.

А сейчас фиг!

Сейчас торговля сжалась до масштабов дневного перехода на машине по убитым в хлам асфальтным дорогам или не размокшим от дождей грунтовкам. На некоторых, особо популярных направлениях можно было встретить хорошо охраняемые стоянки, наподобие фортов и городов-крепостей, живущих исключительно с проходящих мимо торговых караванов.

В первые годы после начала ЗБ (напомню, если кто забыл, то это Зомби Апокалипсис), были очень популярны бронированные поезда и бронекатера. А что, расход топлива в перерасчете на перевозимый вес очень даже ничего получается – выгодно и экономично. Катера и различные плавучие суда до сих пор бороздят просторы рек и водохранилищ, а вот поезда почти исчезли, вымерли, как те динозавры. Поезд это же не машина, когда можно крутануть руля в сторону и уйти огородами, поезд он по рельсам катится, которые можно легко сломать или взорвать и останется только потом добить раненых и собрать ништяки и плюшки.

Но изредка поезда всё равно колесили по железкам этого мира. Только перегоны были небольшими, не дальше пары сотен километров. Впереди основного локомотива, состоявших сплошь из старых, советских, не убиваемых трудяг ЧМЭЗ, шло пару открытых платформ с пулеметами и зенит-

ными установками ЗУ-23. У Толика Желтого в хозяйстве было несколько тепловозов и два десятка вагонов.

Ну, а если говорить об устройстве торговли в умершем мире, то тут надо отметить пару нюансов, а которых, почему-то забыли рассказать сценаристы фильмов о конце света.

Ну, во-первых, у всего есть срок годности. У всего! У патронов, у топлива, у консервов, у одежды и обуви. У всего! Даже если все это лежит на складе, то за этим надо следить и правильно обслуживать. Иначе патроны будут просирать, слежавшаяся обувь расползаться по швам, а горючка убивать движок.

Срока годности не было только у двух констант этого мира: автомата Калашникова и человеческой жадности.

Во-вторых, одним грабежом и разбоем долго не протянешь. В первые годы, когда оставалось много товаров и ништяков, от прежней жизни, то еще можно было как-то протянуть, грабя и разоряя других, а сейчас спустя десять лет, выжили только те анклавов, которые что-то производят и торгуют с другими поселениями. Нет, и сейчас разбойников и бандитов хватает, но, чаще всего, у подобного люда есть четкое разделение на мирную и бандитскую жизнь. Условно говоря, по четным – они бандиты, по нечетным – селяне, выращивающие картошку. Большие банды, которые держали в страхе и терроризировали села, облагая их оброком, канули в лету, они вымерли, как бандиты и рэкетеры в 90-ые. Те, кто смог вовремя одуматься и перестроиться выжили, а кто,

нет, то их уже и нет.

В-третьих, это работорговля и рабство, как класс. Нет, оно, это самое рабство как было, так и осталось. Правда, надо отметить, что ничем от практики мирного времени, когда у «гостей» из ближнего зарубежья, забирали паспорта, заставляя работать на «дядю», особо не отличалось. Что в то, мирное время, что сейчас, в мертвое время, всё одно и то же.

Ничего не меняется!

А так, если абстрагироваться от того, что мы сейчас как бы откатились в своем развитии на сотню лет назад, то можно сказать, что особо ничего не поменялось. Я ведь по первому высшему образованию – социолог, а по второму – менеджер. Так вот, могу авторитетно вам заявить, в человеческом обществе, все как было, так и осталось. Изменились лишь нюансы: раньше жопу подтирали бумагой в рулонах, а теперь листиками, вырванными из скучных книг, раньше старались, есть часто и по чуть-чуть, а сейчас один раз в день, но много (холодильников и свч-печей, нет). Ну, и так далее. А в остальном, все как было, так и осталось.

Люди и раньше были не подарок. Человек человеку зверь! А теперь все это выперло наружу еще больше и стало более, честно, что ли. Слетел весь этот лоск и гламур цивилизации и притворства.

Можно конечно представлять себе сообщества людей, до ЭПИДЕМИИ, как добровольное объединение равноправных граждан, но большей утопии, чем подобное восприятие ми-

рового устройства, трудно себе вообразить.

Мир людей, в социальном плане – многоступенчатая пирамида, где большинство, представляет из себя управляемую массу, часть людей возвышается над этой массой, как некая прослойка осуществляющая контроль над основной массой. Контроль силовой, управленческо-административный, и идеологический или идейный, а оставшаяся, ничтожно малая часть, это представители т.н. элиты – те, кто осуществляет реальное управление и контроль.

Подобное деление общества, имеет фрактальный характер: внутри элит есть суперэлита, среднее звено и низшие уровни – также как в основной массе, есть некие люмпенизированные, в социальном плане – низшие слои: также есть средний, относительно, социально равный слой, и есть часть тех, чей социальный статус и образ жизни немногим, выше массового уровня.

В общем, в человеческом муравейнике, или скажем короче, в человейнике, есть много групп и подгрупп, каст и подкаст, сословий и подсловий, также, как есть некая надкаста, осуществляющая управление, всем этим сообществом – речь идёт естественно об управлении политическом и социальном.

Конечно, есть сугубо, скажем так, официальная точка зрения, согласно которой, миром управляют руководители разных стран, прежде всего наиболее влиятельных в политическом плане – а политическое влияние стран, зависит прежде

всего от степени военной мощи, геополитического влияния и экономического развития. Согласно этой версии, получается, что глобального управления вообще не существует как такового, но есть ряд, случайно приходящих к власти людей, которые временно оказывают влияние на глобальный процесс, не имея никакого представления о каких бы то ни было, стратегемах глобального цивилизационного развития.

Сторонники подобной официальной версии мира, любые идеи о каком-либо общем, координированном глобальном управлении, называют "конспирологией" и "теорией заговора", будучи уверенными в скептической трезвости своего взгляда, и посмеиваясь над теориями о всепроникающей руке масонства, или же, действительно нелепыми фантазиями об инопланетном заговоре.

Максимум, что эти люди могут допустить, это подковёрная борьба противоборствующих кланов, часто персонифицируемых, то есть связываемых с конкретными людьми, или например, распространённая идея о скрытом противостоянии "промышленников" и "банкиров".

В контекст подобного представления об устройстве человеческого мира, вплетена идея противостояния "традиционализма" и "либерализма": здесь мы вновь, как в главе о Сознании, сталкиваемся с дуалистическим мышлением: согласно этой идее, мир поделен между представителями двух направлений: сторонников сохранения традиционных ценностей, некоего "старого" патриархального мира, и теми, кто

ратует за полную свободу индивидуума и его независимость от "ветхих" общественных догм.

И вот уже здесь, массового человека, поджидают те самые пресловутые Сцилла и Харибда, или "молот и наковальня". С одной стороны, идея индивидуальной свободы, соблюдение прав личности, отказ от окостеневших догматов – весьма привлекательны для массового человека. Но ситуация, порой разворачивается иным боком, и предстаёт в нелицеприятном свете: и тогда, массовый человек, начинает жаждать "традиционных ценностей", возвращения к "старому, доброму, патриархальному" миру.

Но тот мир людей, который мы теперь наблюдаем – никогда уже не станет прежним: впрочем, как говорил старина Гераклит, тот, который ещё застал времена настоящих философов – "в одну и ту же реку, не войти дважды" – так, что мир не станет прежним, в любом случае.

По сути, нет ничего лучшего, чем идея свободы, и для человека, она является высочайшей ценностью, она может являться первоначальным принципом существования – но современный либерализм это отнюдь не идея свободы! – пусть название не вводит нас в заблуждение! Современный либерализм это идея подчинения массовым стандартам и навязанным установкам, идея стандартизации жизни и внедрения во внутренний мир человека, массовых штампов и клише.

То же самое, но в обратном виде, можно сказать о т.н.

традиционалистах, пытающихся из навязанных, искусственно привитых людям идеоконструкций, слепить некое подобие исконных парадигм.

Это вновь симулякры, пустышки, обманки для массового человека, не имеющего ни времени, ни сил, для подробного анализа многотомных и "высокомудрых" трактатов, верящего на слово пропаганде и ослепленного массовым "пусканием пыли в глаза", зомбированного и затравленного, включенного в борьбу за выживание, или за лучший социальный статус, или за более комфортные условия проживания, в своей не просторной, но человеческой норе, крутящегося, как белка в колесе, в гонке за новым магическим артефактом, созданным цивилизацией, для его закабаления и деградации.

Чего это я, разговорился? Вспомнились былые времена, когда я слыл успешным коучем, хорошо промывающим мозги офисному планктону. Это из-за вчерашней хреновухи. Последствие неумного распития алкоголя. В общем если подытожить, то ничего в мире не поменялось. Раньше все хотели новый айфон и квартиру в центре, теперь все хотят жить за высоким забором, и есть пищу пожирнее.

Ладно, мне пора бежать, ораву свою собирать.

Чтобы собрать всех своих бойцов, понадобилось часа полтора, и то это еще я быстро управился, все-таки раннее утро не самое подходящее время для экстренного сбора. Сложнее всего, оказалось, найти господина Волошкина – «гражданского» главу нашего анклава и поселка. Пал Палыч как и я

и думал, оказался в небольшой гостишке рядом с которой стоял двухэтажный английский автобус ярко-красного цвета.

– Алексей, ну, мы же хотели здесь побыть еще несколько дней, – усталым голосом, не выспавшегося человека, произнес Волошкин. – Дел ведь невпроворот.

Пал Палыч Волошкин – невысокий упитанный кругляш с лысой, как моя коленка головой, огромных размеров, стоял передо мной, закутавшись в шелковую простыню пошло-го чёрного цвета. Видно было, что он так рад моему раннему визиту, как может быть рад бухгалтер внезапному налету обэхэеса, когда у того на столе лежит толстенная папка с документами, на обложке которой надпись – «черная бухгалтерия». Понятно дело, что я вытащил Палыча из постели, в которой была одна из гетер Димки Сутенера.

– Пал Палыч, ты свои дела в следующий раз до..., – я осекся, пытаюсь подобрать синоним помягче. – Доделаешь. Возвращаться надо. У нас там может небольшая войнушка начаться под самым боком. Черногорка с Нижнекаменкой вцепились друг другу в глотки. А ты сам знаешь, что их главы друг друга на дух не переносят.

– Ну и что? – неторопливо переспросил Палыч. – Где мы и где эта твоя войнушка? Да и защищен наш анклав очень даже хорошо. Ведь так?

– Палыч, дома сейчас нет тебя, меня и самой боеспособной части бойцов, – еле сдерживаясь, чтобы громко не заорать, произнес я. – Хочешь, оставайся здесь, доделаешь все

свои дела, а как всё успокоится, мы тебя заберем, но учти, что выезжаем завтра утром на рассвете.

– Ох, Алексей, как же ты не во время! – тяжело выдохнув, сказал Волошкин. – Надеюсь, ты понимаешь, какие убытки мы понесем, и что половина машин будет возвращаться пустыми.

– Палыч не о том ты думаешь. Ох, не о том. Какие нах убытки?! Разжирел ты за последние годы спокойной сытой жизни, – жестко произнес я, – если вовремя домой не вернемся, можем всего лишиться. Всего!

Волошкин надулся как индюк, и ничего не ответив, захлопнул перед моим носом дверь. Ну и хрен с тобой лысый дурак! – подумал я. Тоже мне, фифа балованная, не дали ему с лярвой в полной мере покувыркаться, так он сразу и обиделся. Я конечно тоже палку перегнул, но правило есть правило: дома, в анклавe, Палыч – временно главный, а за пределами периметра, уж будь добр слушай и подчиняйся командиру отряда охраны, то есть мне.

Деление на «мирного» и «военного» князя. Придумал я. Когда был жив Полковник, то он был самым главным командиром и начальником, который гонял своих «замов»: меня, Волошкина и еще десяток, таких как мы. Каждый из «Замов» отвечал за свой фронт работ. Когда Полковника не стало, и так получилось, что главным оказался я. То, чтобы избежать борьбы за трон Полковника, мне подумалось, что так будет проще и лучше. Хрен его знает, может, я просто, по-

боялся пролить кровь и расстрелять всех остальных конкурентов. Может надо было так и сделать. Не знаю!

Человеческое общество – это «волки» и «овцы», живущие на одной территории. «Волки» всегда коварны, изобретательны и кровожадны. «Овцы» для них всегда жертвенный материал. Их можно убивать, но можно и «стричь» – присваивать плоды их труда, угрожая физической расправой.

«Волки» считают, что работать, чтобы прожить, особенно руками не надо. По этой причине они всегда стремятся к власти. Не важно какой – любой, главное, чтобы «овцы» работали на них и были у них в подчинении.

Когда во главе какого-либо сообщества становится «волк», он, разумеется, обзаводится помощниками – такими же, как и сам, «волками». При смене власти (например, революционным путём) «волки» либо просто изгоняют «овец» из всех властных структур, либо их убивают. Когда это случается, для всех рядовых «овец», живущих в таком сообществе, наступают тяжёлые времена.

Численность «волков» в любом народе всегда меньше, чем «овец», поэтому им приходится порой надевать на себя «овечью шкуру» и маскироваться под добропорядочных граждан, чтобы «овцы», живущие под их постоянным гнётом, однажды не взбунтовались и не поубивали их. Из опасения, что такое однажды может случиться, «волкам» приходится идти на разные хитрости.

Кто я «волк» или «овца», я так до сих пор не определил-

ся. Вроде как по образу жизни – Волк (некоторые личности, меня так за глаза называют. А еще – Кэп, Камрад и Шаман).

Надо скорее определяться со своей ролью. От этого зависит не только моя жизнь, но и в какой-то мере, жизни населяющих наш анклав людей. Нет ничего хуже, чем слабый командир.

– Войско баранов, возглавляемое львом, всегда одержит верх над войском львов, возглавляемых бараном! – сказал когда-то низкорослый корсиканец.

До самого вечера носился по Толкучке, как ужаленный в мягкое место сайгак. Дел было много и как назло, все были, ну, просто архиважными. Еще бы, ведь по всем прикидкам наш караван должен был здесь застрять минимум на две недели, а оно вон как вышло – даже и трех дней не погостили. Однако, обидно!

Из запланированного объема дел, удалось выполнить не больше трети, но зато самые важные и срочные. На ночь хотел завалиться к давешней короткостриженной блондинке, но так за день набегался и устал, что еле доплелся до своего гостиничного номера, где и свалился на постель, едва успев разуться и ослабить брючный ремень.

Проснулся как всегда в шесть утра. Выспался, ну, почти выспался. Собрал все свои не хитрые пожитки и быстрым шагом направился к стоянке, где к этому времени должна была идти полным ходом подготовка нашего транспорта к отправке.

Глава 4

Парни не подвели, на стоянке кипела привычная для спешного выезда суета и суматоха. Боцман, как всегда орал благим матом, пытаюсь хоть как-то ускорить процесс, ну, а окружающие, в свою очередь, как всегда делали вид, что крики Боцмана и, правда, помогают.

– Боца, ну шо? Мы успеваем или как? – спросил я у невысокого крепыша, кричащего на двух парней, которые с меланхоличным видом раскатывали брезент.

– Кэп, ну, ты задал задачку! Всю ночь как папы Карло и мамы Марло работали, всего полчаса назад закончили погрузку. Хорошо, что часть машин останется здесь, а то хрен бы успели все загрузить.

– Боца, это не я загадки загадываю, это, обстоятельства так складываются, что нам надо кровь из носа домой возвращаться. Молодцы, что успели загрузиться. Я сейчас кофейку тяпну, потом соберу всех для раздачи люлей и в путь!

Перед капотом дозорной «Нивы» стоял раскладной столик и деревянный шезлонг. Это для меня. Чтобы мое командирское величество испило кружечку кофе из термоса.

Традиция-с, знаете ли. Традиция-с!

И столик, и шезлонг, и термос, и даже помятая металлическая кружка – все это были атрибуты ритуала под назва-

нием: «Командир выпивает кофе, перед выходом колонны и «заговаривает» дорогу».

Да, да, вы не ослышались, именно так – «заговаривает дорогу». Все мои подчиненные, ну, и я в том числе, хоть и в меньшей мере, чем они, считал, что соблюдение этого ритуала благосклонно скажется на проводке каравана и все доберутся до конечной точки пути в целостности и сохранности. И люди, и машины. Все!

Наполнив кружку, немного покрутил её в руках согревая пальцы, мля, все-таки не май месяц, середина осени.

У меня есть минут десять – пятнадцать, спокойно попить кофе и обдумать предстоящую поездку. Даже не оглядываясь назад, я знал, что за моей спиной сейчас стоит кто-нибудь из подчиненных и внимательно наблюдает, чтобы никакая зараза не отвлекала от кофепития их командира. Предстоящая поездка особо не беспокоила – колонна должна была пройти по безопасному и проверенному сотни раз маршруту, пусть немного длинному, но зато безопасному. А может рискнуть и ломануться напрямки? Если повезет, то часов за десять – двенадцать успеем домчать. Нет, нельзя. Ничего дома страшного за день не произойдет. Решено – пойдём проверенным, «длинным» маршрутом.

Поставив пустую кружку на столик, инстинктивно посмотрел на надпись красовавшуюся на боку кружки – «клуб М.А.К», уже больше двух лет гадаю, что может означать эта абракадабра, то ли любители цветов, то ли еще какие садо-

воды, но кружка была фартовая.

Рядом с «Нивой» уже выстроились мои «барбудос» – двенадцать человек – костяк отряда, лучшие из лучших!

– Все готово к выезду? – спросил я, обращаясь ко всем сразу.

Подчиненные вальяжно закивали головами, подтверждая, что у них все – зеер гуд! Как всегда. Ну, что проверим?

– За мной! – кратко приказал я и пошел вдоль колонны.

Колонна состояла из четырех тентовых «КамАЗов», шести «КамАЗов» переделанных под легкую броню, бывшего инкассаторского броневика на базе пятидверной «Нивы», уазовской «буханки» и БРДМ-2. Все машины были выкрашены в черно-зеленые цвета и на их бортах нарисован знак отличия нашего анклава – стилистическое изображение полковничьего погона.

Часть машин, а именно еще один «бардак», две «шишиги» и «УАЗ-Патриот» оставили для нужд недавно сформированного торгового представительства нашего анклава на Толкучке.

Идея с созданием торгового представительства давно витала в воздухе, ну вот и допиталась, создали. А, что? Одни плюсы: своя складская и торговая база, продавать будем по розничным ценам, а закупаться, наоборот, по оптовым. Содержание торгового представительства влетит понятное дело в копеечку, но по расчетам Палыча, оно само должно было себя окупать, уж больно место выгодное, да и наши това-

ры здесь всегда в цене были. Ну, ладно, торговые дела это не моя епархия, пусть Палыч здесь сам рулит, он в этом дока.

Обход колонны и осмотр машин занял минут тридцать, все-таки парни были все опытные и бывалые – работали не на страх, а на совесть, да и как тут не стараться, когда от этого зависит твоя жизнь и окружающих. Но, плох тот командир, который будет удовлетворен на сто процентов работой своих подчиненных. Я хороший командир, поэтому нашел к чему прицепиться и выдать люлей всем кому посчитал нужным – надо держать подчиненных в тонусе, чтобы не расслаблялись!

– Ну, что Кэп, вроде все в норме. Выдвигаемся? – осторожно спросил Боцман, стоя у меня за спиной.

– Еще десять минут, и если Палыч не соблаговолит почитать нас своим присутствием, то будем отчаливать, – ответил я.

Чтобы зря не терять время проверил автоматные магазины, которыми были набиты карманы разгрузки. Вроде все в норме – боекомплект в наличие, аккумуляторы рации заряжены, оба пистолета на месте, нож, аптечка, небольшая, плоская фляжка с коньяком.

– Кэп, а это еще, что за танцы с бубнами? – удивление в голосе Боцмана заставили меня отвлечься и обернуться.

Действительно, редко увидишь такую процессию: ярко-желтый гражданский «Хамер», сразу же за ним два БТР-80 такого же желтого цвета, а следом вереница из дю-

жины разнокалиберных грузовиков, как уже понятно желтого окраса, и в хвосте подъезжающей колонны облезлая, с решетками, вместо лобового стекла Сузуки «Гранд Витара».

– Желтопузики, мать иху так! – я выругался и сплюнул на землю от разочарования. – Это ж надо было так встрять?! Не дай бог, эти клоуны захотят с нами вместе ехать. Боца смотри, чтобы ни одна зараза к нашим машинам ближе, чем на десять метров не подходила и за Шапкой следи.

– Сделаю.

Боцман позвал к себе нескольких парней и побежал с ними вдоль колонны, на ходу выкрикивая короткие команды, подкрепленные сочным матом.

Колонна, раскрашенная в цвета солнца, близко подъезжать не стала, передовой БТР остановился метрах в сорока. Только плоский и широкий «Хамер» подкатил практически вплотную к нашему «бардаку». Я сделал пару шагов назад, прикрываясь кузовом «буханки», ну, и АКМ скинул с плеча, так на всякий случай.

– Командир, думаешь, может начаться замес? – тихо спросил Вовка Шпик, аккуратно загоня ВОГ в подствольный гранатомет.

– Легко. Помнишь, как последний раз разошлись? Мы им «наливник» сожгли, а они нам «уазик» раздолбили в пух и прах.

– Фигня. Главное, что кровь не пролилась, а машины – это дело наживное.

– Ну, да. А ничего, что Шапка, младшему брату Желтого, чуть брюхо не распорола?

– Дык, он же сам виноват, не фиг было ей непристойности всякие предлагать. Последняя собака, в округе на тыщу верст, знает, что Шапку лучше не трогать.

– Ну, значит, Эдик Желтый в табели о рангах стоит ниже собак, потому что у него хватило ума зацепиться с нашей сумасшедшей бестией.

– Командир, кажется свои, – облегченно выдохнул Шпик, указывая на большую лысину, появившуюся в просвете открявшейся дверцы внедорожника.

Лысина таких огромных размеров могла принадлежать только Волошкину. Ага, все-таки проснулась у человека совесть, и он решил вернуться в родные пенаты.

– Сергей, куда вы спрятались? – простодушно закричал Пал Палыч, выискивая меня глазами. – Не бойтесь, люди Анатолия Борисовича – наши союзники.

– Капец, – кратко прокомментировал появление Палыча Шпик, и тут же тихо, шепотом, передразнил Волокина: – Анатолий Борисович! Интересно Желтый, хоть сам помнит, что он по батюшке – Борисович?

Я вышел навстречу Волошкину, недовольно глядя на подъехавшую колонну за его спиной. А чему тут радоваться, когда на тебя направлены башенные стволы БТРов?

– Пал Палыч, что все это означает?

– Алексей, вы даже не представляете, как всё удачно сло-

жилось, – Палыч ухватил меня за рукав и тут же поделился хорошими, по его мнению новостями: – Анатолию Борисовичу нужен тот же самый товар, который мы закупили для нашего поселка. Весь товар! Самое главное, что нам то он не особо нужен, так набрали по дешевке, чтобы машины домой пустыми не гнать. И он готов нам все это обменять на оборудование, которое мы хотели у него выкупить еще весной. Понимаете? Нам фактически достанутся станки за треть их реальной цены. А еще, мы сможем вместе отправиться в путь, ведь нам по пути, так и быстрее будет и безопасней. Вон у них какие танки! – Палыч кивнул головой в сторону БТРов, – Видите, насколько они больше нашего танка.

– Пал Палыч, это не танки. Это – бронетранспортеры, – устало поправил я Палыча. – А у нас, БРДМ, то есть разведывательная бронемашина, а у них БТРы.

Сколько раз уже зарекался не брать с собой Волошкина в дорогу. Он хоть и гений управления хозяйством, но в некоторых вопросах сущий ребенок. Скажу по большому секрету, Палыч не смог освоить полную разборку автомата Калашникова. Уж сколько его Полковник не гонял, но Палыч ни в какую не сумел разобрать и собрать АК.

Вот и сейчас, ну, как можно было договариваться с Желтым, о каких-то там общих делах, не посоветовавшись предварительно со мной или Боцманом? Так нет, он еще придумал устроить совместный вояж.

– Палыч а ты не думал, что Желтый хочет нас заманить в

ловушку и элементарно силой забрать весь наш груз? – как можно спокойнее спросил я.

– Алексей, ну, вы меня совсем, что ли за дурака держите? Конечно, я об этом в первую очередь подумал и все придумал. Родной брат Анатолия Борисовича – Эдуард побудет пока в нашем торговом представительстве в качестве гостя, а как обмен произойдет, и мы благополучно вернемся к себе домой, так Эдика сразу же и отпустят. Ну, как вам идея?

– Плохая! Помимо того, что вы придумали вести какие-то там дела с Желтым, так вы еще его младшего братца «пригласили в гости» в наше торговое представительство. Эдик – наркоман и психопат, он там таких дел натворит, что мама не горюй!

– Вот это вы зря. Каспер обещал, что все будет хорошо.

– На Каспера одна только и надежда, – соглашаясь, кивнул я. – Но мне все равно, это не нравится. Уж больно все хорошо и удачно складывается. Такого не бывает!

Каспер – он же Глеб Игнатов, со вчерашнего дня начальник охраны нашего торгового представительства на Толкучке. Помимо того, что Глеб весь из себя такой матерый вояка, так он еще умный и хитрый, как цельный Дом советов. Главное чтобы у Глебки хватило духу в случае чего, пустить пулю в лобешник наркома Эдика. А то, знаете ли, не всякий сможет взять на себя роль кровника Толика Желтого.

– Бывает, еще как бывает. Помнится, в конце девяностых, я один и тот же завод, за неделю продал два раза, – види-

мо подобные воспоминания были приятны Палычу, потому что он аж зажмурился от удовольствия, как сытый кот, оборжавшийся сметаны. – Алексей поймите меня правильно, нам крайне важно переманить Желтого на свою сторону. Ну, вы же сами говорили, что если бы Желтый дал добро на перевалку грузов по своей «железке», то мы могли бы подмять под себя всю торговлю в округе. Разве это плохо, что у нас сейчас нашлось общее дело, которое может перерасти в нечто большее?

Тут меня Палыч, конечно же уел. Действительно, гонять грузы по железной дороге, используя тепловозы Желтого крайне выгодно, и самое главное – безопасно. Фактически, мы могли бы продавать товар по той же цене, что и здесь на Толкучке, но делали бы это у стен своего поселения, не заботясь о транспортировке, все бы риски взял бы на себя Желтый. Но, раньше мы не могли найти общий язык с Желтым, потому что, как бы это помягче сказать?

Полковник и Толик Желтый были в контрах. В не хилых таких контрах – полгода вялотекущей войнушки, унесшей жизни двух десятков наших парней и примерно столько же со стороны Желтого. Думаете два десятка «двухсотых» это мало? Ага, щас! Это капец, как много! Сколько там того человечества осталось на шарике под названием Земля? Раз, два, да обчелся! Сейчас каждый боец на счету. Ну, а как Полковник отправился в страну вечной охоты, так к нам Желтый сам и заявился, с предложением «тягать наш товар» по своей

железной дороге. Но, его младший брат Эдичка, ничего лучшего не придумал, как приставать с амурными намерениями к нашей недотроге Шапки. Еле растащили, вернее, еле Эдика живым вытащили, считай, своими телами прикрыли, Шапка хоть и раненая на всю башню, но по своим стрелять не стала.

– Ну, так, что? Провернем сделку? – нетерпеливо притоптывая на месте, спросил Волошкин.

– Не знаю, – скривившись, как зубной боли протянул я. – Не вовремя все это. Нам бы домой поскорее, а тут круг придется давать.

– Задержка всего на один день, зато перспективы какие вырисовываются! – сейчас Палыч был одновременно похож на Чеширского кота и Змея искусителя. – Алексей, в конце концов, нас больше и мы опытнее, нам ли бояться каких-то там голодранцев.

Ничего себе загнул, – подумал я. Голодранцев! А ничего, что у этих голодранцев две «восьмидесятки» в обозе и, по меньшей мере пара крупнокалиберных «Утесов» в кузовах грузовиков, а уж о такой «мелочи», как ПКМ, РПК и прочие «калаши» всех мастей и говорить не надо. Нет, мы, понятное дело, то же не голые путешествуем, есть чем ответить, та же «ЗУшка» спрятанная под тентом одного из трехосных КамАЗов», способна перемолоть оба желтых БТРа, да и три десятка «агленей», это вам не хухры-мухры.

Додумать мне опять не дали, боковая дверь «Хамера»

распахнулась и всем присутствующим явилось прекрасное ведение – длинные, стройные ноги с идеальными икрами, упакованные в облегающую кожу высоких сапог, ноги переходили в не менее идеальные по своим обводам бедра. А талия?! Талия была настолько тонкая, что я бы точно обхватил её ладонями. Взгляд поднялся выше и тут я понял, что у меня поднимается не только один взгляд, но кое, что еще. Бля! Стоп! Я же все-таки командир отряда, а не захлебывающийся от спермотоксикоза прыщавый юнец.

– Первый, кто скажет, что он бы ей вдул, получит месячный наряд на дальнем кордоне, – внезапно охрипшим голосом произнес я.

– Похер! Я б ей вдул! – нервно облизав губы, прошептал, стоявший рядом боец по кличке Ряпа.

– И, я! Я б тоже ей вдул! – подержал друга второй воин, по кличке Храп.

– Вот вы двое и будете дежурить месяц на дальнем кордоне, – подытожил я, беря себя в руки.

Хотя это было очень и очень нелегко, уж больно видение было прекрасным и пленительным. А сиськи! В смысле – бюст! Ох, кажется, сейчас штаны лопнут, и пуговицы на ширинке брызнут в разные стороны, как осколки Ф-1.

– Павлик, долго мне еще скучать в одиночестве? Ты же обещал меня познакомить со своими подчиненными!

Прекрасное видение, обладало не менее прекрасным голосом, с такой нежной хрипотцой, которую очень часто на-

зывали сексуальной. Не я щас точно кончу!

– Лапочка извини, – Палыч маленьким козликом запрыгал вокруг девицы, пытаясь одновременно ухватить её за усыпанную перстнями ладошку и вроде как представить это милое создание нам: – Молодые люди. Это – Элеонора! Она проявила интерес к жизни в нашем поселке и желает лицезреть его лично. Ну, а я, как истинный джентльмен, вызвался её сопровождать и все показать.

– Павлик, а это и есть твои супер – солдаты, которые на завтрак едят монстров и могут голыми руками разорвать танк? – томным и очеееень сексуальным голосом спросила дива.

– Ну, как бы, да! – Палыч съежился и, покраснев, как помидор, невинно лупая глазками посмотрел на меня, в его взоре, буквально, неоновыми буквами висела надпись – «Подыграй! Я потом все объясню!»

– Пал Палыч, вы бы вашу подругу сопроводили в «автобус», а то нам пора уже выдвигаться, – отведя взгляд в сторону, чтобы не заржать, ответил я.

– Алексей, а разве мы не можем поехать на этом внедорожнике? – простодушно поинтересовался Палыч, кивая на «Хамер». – По-моему эта машина как нельзя лучше предусмотрена для поездок по бездорожью.

– Нет, – жестко отрезал я. – Через пять минут выдвигаемся! Кто не успеет погрузиться, останется здесь!

Нет, я не против подыграть Палычу, если ему так надо, но

тащить в колонне совершенно не знакомую машину, да еще такой расцветки, это уж увольте. Нах, она мне не сдалась!

Это только на первый взгляд, кажется, что машины в колонне движутся совершенно бессмысленно и как им вздумается. Фиг! Место каждой транспортной единицы в колонне, интервал между ними, укладка груза – все это очень и очень важно! Это выстрадано годами тренировок и литрами пролитой крови, а еще тоннами сожженного бензина и дизеля! Про нервы я вообще молчу, кто их считает?

– Леша, вы поймите, Элеонорочка привыкла путешествовать с комфортом, а у нас в «автобусе» сиденья железные и нет кондиционера, – подбежавший сзади Палыч принялся канючить и умолять. – Это же американский военный внедорожник! Разве такая машина нам помешает?

– Палыч, ну, что ты как маленький? Сказал нет, значит – НЕТ! – одернул я Волошкина. – Во-первых, это не армейский «Хамви», это всего лишь его гражданская версия, а во-вторых, он жрет топлива что «КамАЗ», и запчастей на него не найдешь, а за те годы, что прошли с момента прихода северной лисицы, это желтокожий внедорожник выработал весь свой запас прочности. Ну и самое главное, если нарвемся на засаду, то эта образина – первая мишень, потому что в глаза бросается. Еще вопросы есть?

– А как же быть с Элеонорой? – совсем сник Палыч. – Что я ей скажу?

– По ходу, это твоя Элеонорка не дура и уже сама сооб-

разила, что к чему, – кивнул я в сторону «Хамера». – Иди, помогай вещи перетаскивать.

Секс-бомба с офигенным бюстом и шикарными ногами стояла немного в стороне от «Хамера» и с милой улыбкой наблюдала как из недр её машины Храп и Ряпа извлекали баул за баулом.

– Уф! – облегченно хрюкнул Палыч, и было дернулся, чтобы помочь с выгрузкой вещей, но в последний миг опомнился и почти «командирским» голосом приказал: – Немедленно помогите перетащить даме вещи!

Одновременно несколько мужиков из числа хозвзвода кинулись помогать с переносом вещей.

– Палыч, ты мне скажи по секрету: на кой она тебе сдалась? Ты же вроде мужик солидный, в возрасте, вон голова огромная, как Дом Советов. Ну, не уж то не понимаешь, что из себя эта Элеонора представляет?

– Алексей, вы не лезете в мои дела, а я не вникаю в ваши! – неожиданно жестко и зло ответил Палыч. – Надоело! Надоело жить, как отшельники! Сколько лет Полковник держал нас кулаке. То не делай, сюда не ходи, так не стой – Палыч попытался передать интонации Полковника. – Надоело! Посмотрите на другие анклав и поселки! Да, взять хотя бы эту Толкучку! Ну, живут же люди! Есть какие-то развлечения, жизнь кипит, почти так же как раньше. Вот и я так хочу, как раньше! Хочу трахать глупую сиськастую бабу и не думать ни о чем!

Я ошарашено молчал, переваривая услышанное. Слышать от Волошкина подобное было неожиданно и странно. Пал Палыч, по своей сути, был «вечным секретарем», эдакий незаменимый помощник, который все знает, во всем разбирается и знает ответ на любой вопрос, всегда на работе и без него ничего не делается. НО! Но он никогда не станет директором, хозяином, номером один, он так всегда и будет на вторых ролях. Эта его сущность, его таким создала природа.

Волошкин и Полковник – фактически создали наш анклав и еще несколько поселков в округе. Полковник был Хозяином, командиров и альфа-самцом всего вокруг, а Волошкин, был его тенью, которая приносила очень много пользы, которая создала экономическое могущество и независимость нашего поселения, уж я то знаю, сам к этому приложил немало усилий. Все эти годы Пал Палыч был «ниже травы, тише воды», кажется, я даже ни разу не слышал, чтобы он на кого-то голос повысил, всегда предельно вежлив и обходителен. А тут на тебе!

– Алексей не обижайтесь, просто я устал, а тут еще эти тревожные новости, вот и вспылил! – заискивающе произнес Палыч и, достав из кармана брюк небольшую коробочку из-под лекарств продолжил: – Лучше посмотрите, что я вчера купил в одном секретном месте. Это вакцина от вируса, который превращает людей в зомби! Её мне продал один пожилой ученый, который ставил эксперименты на кошках. Все знают, что кошки не превращаются в зомби, но не знают

почему. А этот ученый узнал истину!

– Чего?! – опешив от такой резкой смены темы разговора, спросил я. – Какая еще, нах вакцина?

– Мне один старик её продал, в прошлом знаменитый ученый-вирусолог. За большие деньги. По его словам, если вколоть это перед смертью, то вы уже не превратитесь в зомби, а умрете нормальным человеком, – шепотом завязтого заговорщика произнес Палыч. – Вы понимаете, какие перспективы нам это открывает?

Инстинктивно взяв в руки протянутую коробочку, я недоуменно повертел её в руках, не зная, что ответить. Мля, это ж надо быть таким дураком, чтобы повестись на подобную чушь и выложить кучу монет за пустышку? Без лоха, жизнь плоха! Вакцины от вируса, превращавшего людей после смерти в кровожадных монстров не существует! Есть только один проверенный способ, чтобы покойник не поднялся – пуля в голову!

Небольшая пластиковая коробка, оранжевого окраса, в такие раньше фасовали противошоковые препараты, разового действия. АИ-2, она же аптечка индивидуальная. В таких аптечках самым ценным был – белый шприц-тюбик с промедолом, наркотическим опиоидным анальгетиком. Раскрыл коробочку, глянул внутрь. Цилиндров с таблетками нет. Один единственный тюбик-шприц, с мутноватой жидкостью внутри. Понятно! Облапошили, нашего Палыча!

Бах! Бах! Бах! – неожиданно раздались громкие выстре-

лы совсем рядом.

Глава 5

Сбив Палыча с ног, плюхнулся на него сверху, прячась за колесом трехосного «КамАЗа».

Кто? Где? – завертел головой в поисках стрелка.

– Что там?! Кто стрелял? – сдавленно прохрипел Волошкин, уткнувшись лицом в придорожную грязь.

– Бля! Шапка вашу дивчину засекала и территорию метит, чтобы показать, кто в доме хозяин, – помогая подняться Палычу, прокомментировал я стрельбу. – Ох, чует мое сердце, что достанется «на орехи» вашей Элеоноре!

– Надо срочно что-то делать! – испуганно заверещал Пал Палыч. – Я же несколько раз уже говорил, что от вашей подружки столько проблем, что её никак нельзя выпускать за пределы поселка.

– Ага, умный ты больно, – тихо прокомментировал я последние слова Палыча, отойдя в сторону.

Шапку, разве, что только танком остановишь, и то вряд ли. Шапка – это единственная дочь Полковника, его любимое и сумасшедшее чадо. Когда-то, в самом начале ЗБ, я спас Шапку от мертвяков, и мы вместе с ней пробрались через половину России, чтобы она воссоединилась со своим отцом. Ну и я остался при Полковнике в его анклав. Здесь было сыто и относительно безопасно.

– Шапка, прием! – суровым командирским голосом, вы-
звал я, неугомонную бестию.

– У аппарата. Прием! – тут же раздался в ответ женский
голос.

– Что за стрельба? Ты, что не видишь, что рядом стоит ко-
лонна Желтого? Хочешь, чтобы у нас тут началась Сталин-
градская битва?

– Никак нет! Вы же сами, товарищ командир, приказали,
чтобы никто из посторонних, ближе, чем на десять метров
к нашим машинам не подходил! – совершенно спокойным
и невинным голосом ответила девушка. – Я всего лишь вы-
полняла ваш приказ! Прием.

– Понятно! Эта барышня с Волошкиным, не трогай её.
Как поняла? Прием.

– Все понятно: тощую тетку лет сорока, с силиконовыми
сиськами и кривыми ногами не трогать. Прием!

Не сообразив, что ответить, кроме потока матерной бра-
ни, я прервал диалог. Ох, уж эта Шапка! Вот сколько раз уже
зарекался брать её с собой в торговые караваны, а все рав-
но каждый раз беру. Потому что незаменимая она, эта самая
Шапка, незаменимая! Во-первых – отличный стрелок, при-
чем с большим боевым опытом, во-вторых, отличный боец
с холодной головой и железной выдержкой, а в-третьих – я
обещал Полковнику, что присмотрю за ней!

Хороший снайпер – он завсегда в почете и уважении, а по
нынешним временам, у любого есть свои тараканы в голове.

Ну, воспринимает девушка, чересчур серьезно такое понятие, как личное пространство, и что такого? Не лезь к ней с разными глупостями, даже в виде «соленых» шуток и будет тебе счастье и спокойствие. Ну и к особям женского пола наша Шапка неравнодушна. Нет, не подумайте, что она из этих, которые лесбиянки, нет! Просто, наша Шапка воспринимает представительниц женского пола как потенциальную угрозу. Короче – ревнует.

К кому ревнует?

Странный вопрос, ко мне и ревнует! Это и есть второй «таракан» в её голове. Влюблена деффка в меня без памяти, ну и соответственно не допускает «на свою» территорию кого бы то ни было. У меня-то с ней давно ничего нет уже, разошлись мы с ней в свое время, как в море корабли.

Тут своих заморочек хватает, так сразу и не объяснишь, без ящика водки и не разобраться во всем, но как-то со временем смогли найти компромисс устраивающий всех. Шапка особо свою любовь не выпячивает, но в отряде занимает особое положение, ну, а я в свою очередь, все свои амурные дела проворачиваю исключительно за пределами нашего поселка и так, чтобы Шапка об этом не знала, а то ей особого труда не составит, найти мою очередную пассию и пристрелить её. В общем, так и живем, как в «мыльном» мексиканском сериале или еще какой-нибудь херне, типа книжки про любовь «от Донцовой».

Еще раз, мысленно выругавшись и перекрестившись, по-

шел навстречу стоящим в отдалении грузовикам яркой, солнечной расцветки. Позади меня как бы невзначай пристроились Сивый и Вовка Шпик – эти двое были, вроде как, моей личной охраной.

Если Сивый еще хоть как-то внешне походил на «крутого вояку» – высокий, мощного телосложения, с вечно суровым выражением лица, и татуировки по всему телу. За что и получил свою погремуху – Сивый.

Вовка Шпик был больше похож на недоедавшего в детстве цыгана – мелкий, худющий, да еще и смуглый, как ромале. Но, это только внешне, на самом деле все обстояло с точностью до наоборот – Сивый – бывший «качок – культурист», даже не служивший в армии и взявший оружие в первый раз десять лет назад, когда начался весь этот замес с мертвецами, а вот Вовка, он хоть и мелкий, да тощий, но воин был, хоть куда, его боялась и уважала вся округа. Еще бы, в свои сорок лет Шпик успел отметиться минимум в двух военных конфликтах.

Обычно мы всегда на переговоры или еще какие «стрелки» вот так тройцей и ходили, расчет ставился на то, что все внимание будет приковано к Сивому, ну и соответственно, если вдруг чего начнется, то мы с Вовкой успеем «сыграть первыми». Уже подходя к первому грузовику, перестроились – Сивый вышел вперед, я сместился чуть правее, а Шпик так и шел следом за Сивым, прячась за его спиной.

– Сышь убогий, где Желтый? – как всегда раскатистый

рокот Сивого заставил вздрогнуть.

К кому из двоих сидящих в кабине грузовика адресовывался вопрос, было не понять, но вздрогнули оба.

Парень, сидящий за рулем «ЗиЛа» тоже не ожидал, что человеческое горло может издавать подобный рев, поэтому испуганно вздрогнул и стукнулся макушкой о наваренную скобу над дверцей. Сидящий с ним в кабине мужик лет пятидесяти, округлил глаза от страха, и дернулся было, к висящему снаружи «ручнику», который был установлен на самодельном держателе и исполнял роль «курсового» пулемета. Если быть точным, то это не ручной пулемет, а ротный пулемет. Древнее советское наследие Отечественной войны, переделанное под ленточное питание.

– Тронешь пукалку, я тебе её в жопу запихаю!

Толстый как сарделька указательный палец Сивого грозно помахал стрелку, тот, тут же проникся серьезностью момента и моментально убрал руки от РП-46.

– Где, Желтый? – еще раз повторил свой вопрос Сивый.

– Не знаю. Сказали, чтобы их здесь ждали, дескать, минут через двадцать подъедут, – торопливо ответил водитель «ЗиЛа».

Реакцию бойцов Желтого не трудно было предугадать. Чаще всего так на Сивого и реагировали, ну, еще бы – здоровенный детина, под два метра ростом, с наголо бритой головой, но при этом лохматой черной бородой и такими же лохматыми и черными бровями, сросшимися у переносицы.

На груди у Сивого висела глобальных размеров золотая цепь, звенья которой представляли собой черепа с костями. Весила цепь, почти два килограмма. А еще татуировки, за обилие которых Сивый и получил свое прозвище (но об этом я уже говорил). Наколки были разного размера, цвета и качества исполнения – от красивых картинок, набитых еще в мирные времена в тату-салонах, до кривых и косых буковок и каракуль, смысл, которых был понятен только Сивому.

– Мне пох, чё он там сказал, – строго произнес Сивый, – мы через десять минут выдвигаемся, если хочет ехать с нами, пусть поспешит.

Последние слова Сивый произнес, разворачиваясь к машине спиной. Оба, сидящих в кабине «ЗиЛа» мужика, на нас с Вовкой, даже не обратили внимания, как будто нас прикрывала шапка-невидимка, всё их внимание было приковано к Сивому. Всё правильно, так и должно быть, для этого Сивый и нужен.

Высказав свое «фе», мы вернулись к своим машинам. Не фиг тут демагогии разводить, не та Толик фигура, чтобы мы перед ним гнулись. Понятное ведь дело, что Желтый всего лишь цену себе набивает, а сам, небось, сидит в кунге одного из грузовиков и просто тянет время, желая показать степень своей крутизны.

– Кеп, а чего мы, ваще с этими желтопузиками должны идти одной колонной? – вполголоса спросил Вовка, когда мы отошли от «ЗиЛа» на приличное расстояние.

– Волошкин с ними договорился об обмене чего-то там, на что-то, – растерянно ответил я. Размышляя о предстоящей дороге. – Видимо Желтый захочет уговорить нас тягать наши грузы по его железке, вот и заманивает выгодным обменом.

– А оно нам надо? – не унимался Шпик, задавая очередной вопрос.

– Скорее всего, надо. Мы почти половину ресурсов тратим на сбыт нашей продукции, соответственно, если кто-то другой возьмет на себя транспортные расходы, то от этого нам будет кругом одна польза.

– Фиг его знает, – философски ответил Шпик, – но Полковнику это бы точно не понравилось.

Все, кто служил под начальство Полковника еще в те «мирные времена», Шпик боготворил его. Для Вовки всегда последней точкой в споре являлся один и тот же аргумент – «что думает по этому поводу Полковник». Если Полковник одобряет что-то – значит, это хорошо, а если Полковник против – значит, это плохо. Мне Шпик подчинялся только по одной причине, что я продолжал «линию Полковника» и в некоторых кругах считался его наследником. Ну, еще бы, крутил любовь с его дочкой, был правой рукой, ну и так далее.

– Понятно, что Полковнику это не понравилось бы, – согласился я, – но нам все равно надо узнать чего надо Желтому, так что Вован, ты уж не щелкай и смотри в оба.

– Угу, – буркнул в ответ Шпик, и неожиданно выдал: –

Командир, а вот эта краля, что с Палычем притащилась, какая-то она странная. Зырь как она на «бардак» лезет.

Действительно странно! Красавица Элеонора легко запрыгнула на броню БРДМа, буквально в один прыжок заскочила – ухватилась, за что надо и ноги поставила, куда надо. Прыг и она уже наверху! Странно? Либо у барышни есть большой опыт в подобной практике, либо? А фиг его знает, что либо? Вариант на самом деле только один и я его уже озвучил. Приглядевшись повнимательнее к Элеоноре, понял, что Шапка была права – спутнице Палыча «подсраку лет», силикона в её тело накачали немерено и ноги и неё и правда кривоваты. Вот ведь бабы, недостатки друг друга сразу замечают!

– Мужики видели, какой у бойцов Желтого «ручник» висел с правой стороны? – неожиданно спросил Сивый. – Это чё, «дегтярь»? А че без диска и с лентой? Я тоже себе такой хочу!

Вот в этом весь Сивый и есть. Вроде здоровый мужик, а ведет себя порой как маленький мальчик. Увидел новую игрушку и давай ныть: «Хочу, хочу!»

– На кой ляд тебе это старье? – удивлено спросил Шпик. – Тебе ПКМа мало? Это РП-46, переделка ДПМа, в нем поменяли дисковый магазин на ленточное питание, поставив специальный приемник лент.

– Ну, так это же круто – ручной пулемет, работающий на винтовочном патроне! – победно изрек Сивый.

– А то, что он тяжелее ПКМ на пять килограмм, при этом по длине такой же, тебя не смущает?

– Фули мне твои пять килограмм? – Сивый демонстративно согнул правую руку, демонстрируя бугры мышц.

– Так бери «Утес», он всего-то на двенадцать килограмм тяжелее, чем РП, – Вовка для наглядности покрутил пальцем у виска.

Чем окончилась дискуссия, я не услышал. Заметил, что меня дожидается незнакомец – высокий, худой седовласый мужик, в сером «городском» камуфляже.

– Камрад? Тебя Матрас предупредил, что мы поедем с тобой?

– Допустим, – уклончиво ответил я. – Что-то такое Шрек с Матрасом говорили, но я был немного пьян и не запомнил.

– Да ладно тебе, хорошо ваньку валять, – нахмурился мужик. – С тобой ведь договорились! – суровый тон мужика говорил о том, что они все равно поедут с нами. – Или мне вызвать сюда всех *зеленых* и закрыть ворота для всех выезжающих?

– Слышь, а ты часом уху не ел? – Сивый навис над мужиком в сером камуфляже, монолитной высоткой.

Вовка и Сивый перестали спорить о пулеметах и обратили своё внимание на седовласого мужика.

– Давай, вызывай сюда зеленых, красных, белый и голубых с розовыми не забудь. Мне как-то фиолетово! – Сивый перечислил все цвета, которые знал.

– Ты синий и оранжевый цвет забыл упомянуть? – спокойно ответил мужик, даже не глядя на нависшую над ним скалу. – Камрад мне говорили, что у тебя серьезные люди в отряде. А пока, вокруг одни только клоуны.

– ЧЕГО?! – Сивый издал такой рев, что стоящий рядом Шпик отшатнулся, а стая ворон, оккупировавшая дерево метрах в ста, по ту сторону забора испуганно взлетела.

– Сивый заглохни! – строго произнес я. – Бегом в машину! Парни говорили, что вас будет трое, – это уже мужику в сером камуфляже. – Где еще два? И как вас звать – величать?

– Так что все нормально и мы еде вместе? А чего тогда надо было цирк этот устраивать?

– Мне Матрас ваши фотки не показывал, откуда я знаю, что ты за фуй с бугра? Так что где еще двое, а то у нас времени мало, через пару минут отчаливаем.

Седой махнул рукой, и через пару секунд к нам подкатила та самая «Витара», двигавшаяся в хвосте колонны желтопузиков. Из машины выбрался невысокий парень лет двадцати пяти и девушка, а точнее молодая женщина лет тридцати, с короткой стрижкой и удивительно знакомыми чертами лица и обводами фигуры.

Бля! Ну, твою-жжж за ногу!

Эта та самая прелестница, которую я подцепил после попойки у Старого Армянина. А она, каким боком здесь?! Я то был на сто процентов уверен, что провел ночь с представительницей древнейшей профессии. Ебдить! Вот только этого

мне не хватало!

– Значитца так, меня можешь называть Седой или Виктор Павлович, – представился седовласый мужик, – этот вот парнишка – Гоша, он у нас за техника-компьютерщика-ради-ста. А эта милая барышня – Лиза, позывной – Лиса. Ты, как точно уверен, что нам не нужен свой транспорт, а то смотри «витара» машина – зверь, мы бы на ней и поехали, чтобы ваших не обременять.

Встретившись взглядом с Лизой «Лисой» я понял, что она меня узнала и что надо срочно что-то делать с Шапкой. Если эти две пересекутся, то быть беде! Ох, бля, да что ж за утро такое? То Волошкин со своими «планами на Желтого» и непонятной телкой, то эти трое с Лисой, иху мать!

– Поедите вон в той машине, у них кунг полупустой, вам никто мешать не будет, я вам дядьку одного веселого выделю, будет вам анекдоты смешные рассказывать, – строго ответил я, игнорируя многозначительную улыбку Лизы. – Звать его Вова, позывной Шпик, и это не потому, что он тайный агент или соглядатай, а потому что он сало любит. Хохол! Слушаться его, как меня! Идите к машине, а он вас сейчас догонит.

Дернув за рукав Вовку, оттащил его в сторону и быстро пока он не успел возмутиться, вел в курс событий:

– Эти трое представители местной эСБэ, они едут с нами. Будешь при них за сопровождающего, чтобы без твоего ведома и шагу не ступили, особенно следи за бабой, не дай бог,

она с Шапкой пересекутся! Я с этой кралей, того – трахался. Ну, ты в курсе, бзика Шапки на счет меня, так что сам понимать должен.

– Сделаем командир! – широко улыбнувшись, спокойно ответил Шпик. – А может, я с этой короткостриженной, замучу? А? И тогда тебе алиби обеспечено!

– Не надо! – отрезал я. Почему-то слова и тон Вовки мне не понравились. – Давай без этого, главное, чтобы ты всегда за ними присматривал.

– Я то присмотрю, но Кэп, ты поаккуратней, если Шапка хоть какой-то намек уловит или взгляд перехватит, пиздец, этой цыпе.

– Знаю. Поэтому проинструктируй наших гостей, введи в курс нашей Санта-Барбары.

Хлопнув Шпика по плечу, побежал вдоль колонны в передовой машине, как раз самое время отправляться в путь.

Печенью, почками и всеми остальными внутренними органами чувствовал, что эта «проводка каравана» будет одной из самых трудных за последние годы.

– Шапка, прием! – вызвал я нашего медика.

– У аппарата, – как всегда ответила Шапка.

– Бегом в мою машину, поменяешься с Болтом местами.

Выполнять!

Хоть я и не любил выделять и приближать Шапку к себе, но в данном случае можно было сделать исключение, пусть лучше эта белокурая заноза в моей заднице, будет под моим

непосредственным наблюдением. Оно так спокойней.

К побитому жизнью, темно-зеленому, четыреста пятьдесят второму УАЗику, я прибежал одновременно с Шапки (видать, как всегда отиралась где-то поблизости). Минут пять ушло на размещение внутри машины и «смену гардероба» – нацепил шлем, броник и РПС с автоматными магазинами.

– Ряпа, прием!

– Ряпа, в канале. Прием.

– Поехали, дистанция двести метров. Смотреть в оба, как девственники на сиськи химички! Как понял меня? Прием!

– Понял!

Дозорная инкассаторская «Нива» тронулась с места. Ну, что ни пуха, ни пера? К черту!

Глава 6

– Командир, вас на общем канале вызывает Желтый, – отвлек меня от тревожных мыслей Витька Обормот, с которым я делил салон «буханки».

Обормот был у нас за штатного радиста «дальней» связи. Хозяйство Витьки занимало треть салона машины, он мог передать и получить сигнал на расстоянии до двухсот километров, причем, не останавливая УАЗик, для того, что бы «растянуть» антенну. – Может отморозиться?

– Не надо, – ответил я, беря в руки тангенту. – Камрад, на связи. Прием.

– Шаман, братка, чё за дела? Зазнался? Сговорились же с твоим завхозом, шо вместе пойдём, а ты здрыснул раньше времени. Прием!

– Желтый, ты ЛИЧНО со мной ни о чем не договаривался, так, что предъявы свои оставь при себе. Если хочешь вместе идти, то догоняй. Отбой! – я прервал разговор, отключив связь.

– Увеличить скорость, – отдал приказ в карманный «Кенвуд». – Дозор, дистанция триста метров. Смотреть всем в оба. Боцман, уйди в хвост колонны.

– Надо бы Волошкину люлей всыпать, чтобы в следующий раз старшего из себя не корчил, – не поворачивая головы,

проворчал, крутящий «баранку» УАЗика мужик. – Жестче тебе надо быть с ним, командир, отмудохал бы ты его на ближайшей стоянке и тогда бы в следующий раз толстяк вел бы себя осмотрительней.

В отряде советы мне могли давать только три человека – Боцман, Шпик и Адамыч – старый еврей, сидящий сейчас за рулем «буханки». Обычно Адамыч молчал, взирая на все происходящее вокруг, с монументальным спокойствием характерным только для евреев, прошедших суровую школу партийной школы.

– А не взбрыкнет? – спросил я. – Все-таки Волошкин, очень ценный кадр, его никак потерять нельзя, на нем, считай, вся экономика нашей округи держится. Вся торговля, весь импорт и сбыт, на который мы живем и закупаемся.

– Не бойсь, – ухмыльнулся старик. – Волошкин трус и слизняк, одна польза, что умный и начитанный, да память хорошая, много информации запоминает. А тебе, Лешик, надо князем становиться, хозяином, заменой Полковнику, иначе народ узду порвет, да разбежится, и тогда их обратно не соберешь. Понимаешь?

– Понимаю Адамыч, понимаю, – ответил я, отворачиваясь к боковому окну. – Чтобы князем стать, надо в первую очередь себя поломать, а уж потом и людей под себя гнуть.

– А, ты чего девка, уши греешь?! – зло шикнул на Шапку водитель. – Твое дело какое? За дорогой наблюдать? Вот и наблюдай!

Адамыч этим криком, как бы подчеркнул свое мнение по поводу всего происходящего. А происходили вокруг, не очень хорошие вещи, прям так и скажем, обстановка складывалась крайне скверная. Кстати, Адамыч, единственный, кто мог наорать на Шапку без всяких последствий для себя. А все потому что Адамыч и Полковник были друзьями с детства и старый еврей, скорее всего, когда-то мог нянчить маленькую Риту Шапошникову.

Хочу напомнить, что на дворе у нас тут классический постапокалипсис, как в старых фильмах, типа «Безумный Макс» и «Почтальон». Помните? Только с небольшой поправкой на некоторые особенности отношения к мертвым. Мертвецы у нас тут, как бы, не совсем умирают, они, скотобазы такие, норуют, после смерти «подняться» и отправиться погулять, чтобы сожрать кого-нибудь из живых. Зомби, одним словом, что с них взять? Ходячие мертвецы, мать иху так!

Так вот, возвращаясь к вопросу о хреновой обстановке вокруг. Если кратко, то все плохо, очень плохо. Сцепились в драке два поселка, бывшие долгое время под протекторатом Полковника. Черногорка и Нижнекаменка. Оба поселения многолюдные, около тысячи жильцов в каждом, оба хорошо защищены – двойная «нитка» заборов, прикрытая в некоторых местах рвами и минными заграждениями, оба поселения богатые и сытые. Им делить нечего, споров никогда между жителями не возникало, да и находятся они далеко-

вато друг от друга – верст двадцать их разделяет. Там только одна неприятность была – давняя личная вражда между лидерами общин, но их Полковник специально и назначил в эти анклав, чтобы развести как можно дальше друг от друга. Вот, я и говорю, что особых причин для ссоры, переходящей в открытое противостояние там не было, но почему-то все-таки взрывы и выстрелы прозвучали, да и кровь пролилась.

Сейчас, главное, успеть вернуться в родные пенаты раньше, чем заваруха перейдет точку не возврата и войнушка прокатится по нашим поселкам асфальтным катком, плюща все живое. Это только с виду в наших землях тишь да благодать, установившаяся во время железного правления Полковника, который огненным кнутом выжигал любые проявления нежелания мирно жить. Не хочешь ладить с соседом или вздумал перекроить сложившийся годами порядок – получили по шапке, в первый раз, тебя предупредят, во второй раз накажут, третьего раза уже не будет, потому что бузотер уже сидит на облачке, с арфой под мышкой, и печально глядит вниз.

Но Полковник, вот уже как полгода, не с нами. Умер старик. Сердце остановилось. Оно и не удивительно с таким-то темпом жизни. И вот, что чудно – Полковник «не поднялся». Представляете?! По всем канонам нынешней жизни, каждый умерший, не от повреждения головного мозга должен после смерти «встать», то есть превратиться в кровожадную тварь,

желавшую только одного – утолить голод. Я тело Полковника осматривал вместе с Шапкой, все указывало на то, что у старика во сне попросту остановилось сердечко, тем более, что за пару дней до смерти, он жаловался на жжение в груди.

После смерти Полковника, началось постепенное разложение дисциплины. В начале, еле заметно, по чуть-чуть, но с каждым месяцем, признаки будущего распада империи Полковника становились все четче. Это было вполне закономерно и естественно, ведь все держалось на авторитете и страхе, внушаемым один человеком, и, конечно же, если его не стало, то развал империи не минуем.

Империя Полковника – это пять крупных поселений: Черногорка, Нижнекаменка, Лысовое, Вякша, Стылое, разместившиеся по вытянутой дуге, в центре которой раскинулось бывшее пгт Колос, выросшее на стыке двух рек Пикши и Калач. Колос был у нас вроде столицы, ну, а что, бывший колхоз – миллионщик, который, ясное дело к двухтысячным растерял былую славу, население, технику и перспективы на будущее. Животноводческая составляющая умерла на корню, посевные территории сократились на девяносто процентов, рыбное хозяйство развалилось, люди бросали дома и уезжали в райцентр, в общем, все как у всех. Кое-как выживал только речной порт, в котором построили большую перевалочную базу, для транспортировки стройматериалов для возводимой неподалеку АЭС. От порта шла железнодорожная ветка, по которой эти самые стройматериалы и возили.

Ну, была еще одна в/ч, в которой и солдатиков-то толком не было, так одни длиннющие хранилища, врытые по самые скаты крыш в землю. Именно в этой в/ч и служил Полковник, он же Шапошников Степан Гаврилович, человек, организовавших и спасший тысячи людей, той самой теплой весной 2008 года.

Когда наступил ЗБ (все помнят что это за аббревиатура?). Привычный уклад жизни полностью разрушился. Большая часть человечества погибла, часть одичала и разбежалась по лесам, степям и саваннам, часть осталась на остатках городов и прочих объектах прошлой цивилизации (заводы, электростанции и т.п). Денежная система тоже уничтожена, сохранившимися купюрами можно обклеивать стены хижин или растапливать долгими зимними вечерами. Помню, видел один придорожный нужник, типа «скворечник», так там, для подтирания задницы, на гвозде были прибиты денежные банкноты с американскими президентами.

Деньги ушли. Но, человеки, так к ним привязались, что тут же придумали замену старым денежным бумажкам. Каждый анклав считал своим долгом ввести собственные деньги. Кто-то печатал их из пластика, кто-то чеканил из драгоценным металлов, кто-то вместо денег принимал патроны и топливо. По-разному было.

Самым ценным в мертвом мире, по сути, было три постоянных величины: оружие и боеприпасы к нему, еда и воды, одежда и обувь. Даже топливо не вошло в тройку победите-

лей. Потому что при особой нужде можно и пешком перемещаться, а можно лошадку запрячь или крутить педали на велосипеде.

Нам в анклав Полковника повезло. Мы вытянули счастливый билет, сорвали джек-пот. У нас было все! Были горы оружия и боеприпасов на складе в воинской части, были огромные цистерны с дизелем и мазутом в речном порту, были десятки тонн пшеницы и ячменя с ближайшего элеватора. Но самое главное, в чем повезло жителям Колоса, Черногорки, Нижнекаменки, Лысового, Вякши и Стылого, это в том, что эти поселения возглавил Полковник, который своей железной волей и суровым характером смог сохранить порядок в человеческих поселениях и организовать людей.

– Командир, Желтый вышел на связь и просит его дождаться у «Сватов», – отвлек меня от размышлений радист. – Что ответить?

– Скажи, что я подумаю, но ничего не обещаю, и, вообще, кричать на весь эфир, о своем маршруте – плохая примета, – укоризненно ответил я.

– Ща, сделаем, – жизнерадостно ухмыльнулся радист.

Посмотрев в окно, нахмурился, раздумывая, как проложить маршрут движения. Впереди, через пять километров будет развилка, на которой можно было свернуть, либо направо, либо налево. Обе дороги огибали густой лес и потом вновь сходились вместе. Обычно я выбирал ту дорогу, чтобы лес оставался справа, так можно было держать лесную ча-

щобу под прицелом пулеметов, расположенных в каждой машине справа от водителя, но так делали многие. Так сделает и Желтый, а правая грунтовка вдоль леса настолько плохая, что придется скинуть скорость до минимума, а это значит, что нас догонят. А мне очень хотелось оторваться от Желтого и прибыть в транзитный форт «Сват» первым. Очень!

– Ряпа, прием! – вызвал я, штурмана дозорной машины.

– На связи, прием! – отозвался боец.

– Пять, один. Как понял меня? Прием.

– Понял, пять – один, – отозвался штурман.

Пять – это кодовое обозначение развилки, на которой предстояло свернуть влево, а один – это нечетное число, которое обозначало левую сторону. Я мог бы сказать: три, пять, семь и так далее, главное, что нечетное – это лево, а четное – это право. Кодовые обозначения развилочек, перекрестков и просто каких либо значимых мест, менялись каждый раз перед выходом на маршрут, их приходилось заучивать на память, не только командирам машин, но и рядовым бойцам.

– Рассчитываешь за один переход до дома добраться? – спросил Адамыч.

– Не знаю еще, как карта ляжет, – уклончиво ответил я.

Честно говоря, такая мысль у меня промелькнула в голове не раз и ни два. Уж очень хотелось прибыть домой, как можно раньше. Теоретически, это было вполне возможно. Между Колосом и Толкучкой по прямой было всего триста километров, окольными же, более-менее, безопасными путями

пятьсот камэ. Но вся беда была в том, что прямой путь проходил через земли Сёмы Паука, местного злодея и головореза. На самом деле у Паука не было никаких своих земель, у него был ареал обитания его кочующей с места на место банды. И если двинутся напрямки к дому, то вполне можно нарваться на Сёму. А оно нам надо? И хоть сил и огневой мощи вполне хватит, чтобы отбиться от современных «маховцев», но терять людей из-за выигранных суток не было никакого желания. Не тот гешефт!

Как известно, человек – это самый опасный противник во все времена. Из-за него происходят все неприятности. И, чтобы выжить после таких неприятностей, созданных одними людьми, другие приспособляются. Добывают пищу, экипировку. Выживают. Многие для того, чтобы выжить, выбирают довольно легкий, как им кажется, способ. Так и появляются рейдеры, или же бандиты.

А еще в бандиты пошли бывшие уголовники, привыкшие к разбою еще при жизни до катастрофы. Тюрьмы и лагеря опустели в первые дни ЗБ. Как ни странно, но таких бандах было много сотрудников правоохранительных органов или дезертировавшие солдаты.

Отнять. Убить и забрать себе. Обмануть и выманить. Все мы – цель бандита, и его интересует только нажива. Как они с вас соберут имущество – уже другой вопрос. Грабители, мошенники и воры были всегда и всегда будут. Сегодня они придут к вашим дверям с добродушными улыбками и пред-

ложением поговорить о Боге, а завтра, после глобальных изменений в мире, вас в подворотне будут поджидать разбойники с обрезам и ножами. Послезавтра они уже будут вас догонять на специально приспособленных для погонь и разбойничьего промысла автомобилях.

Бандиты трусливы, и на готовую к бою цель они не нападут. Их главная цель – именно легкая добыча. Долгий и затяжной бой совершенно не в интересах грабителя, которому важно быстро отобрать и убраться. Если при столкновении с грабителем вы смогли его отпугнуть, при этом избежав боя, также стоит ожидать удара в спину. При этом многоходовых планов против вас разрабатывать не будут. Разбойник предпочтет собрать добычу с более легких целей, пусть это и займет больше времени, но без риска быть раненным или даже убитым. Как говорится, волка ноги кормят, а «потеря ног», то есть ранение, будет означать для бандита печальные последствия.

Ладно, хватит о Пауке, тем более, что если все сложится как надо, то ему недолго осталось коптить под этим солнцем, а там, глядишь, поставим парочку усиленных крепостей-баз и будем гонять груз напрямую.

Продолжаем путь...

Глава 7

– Командир, прием! – раздался в динамики «говорилки» голос штурмана дозорной машины.

– Слушаю, прием! – ответил я.

– Справа, в подлеске валяется какой-то тарантас, судя по всему, его совсем недавно раздолбили. Можно мы мухой метнемся и проверим на предмет трофеев? – спросил штурман, с еле слышной надеждой в голосе. – Прием.

– Нет, – отрезал я. – Странно, что ты вообще задаешь такие глупые вопросы. Прием!

– Там просто аппарат свежий, даже ствол «крупняка» виден, по ходу издалека по ним отстрелялись. Ну, так, что, можно?! Прием.

– Что за машина? – лениво поинтересовался я, зная, что все равно откажу. – Прием.

– Кажись немецкий «унимог». Может, и нет, но очень похож. В бинокль вижу нарисованную на капоте какую-то загогулину, похожую на свастику.

Ёпта! Ничего себе?! А эти как здесь оказались?! Не может быть таких совпадений? Не может быть двух таких одинаковых машин.

– Эй, командир, ты чего замолчал? Ну, так, мы проверим или как? Прием.

– Нет, – строгим голосом, не терпящим возражений, отрезал я. – Курс не менять, скорость тридцать. Отбой.

– Адамыч, сверни с дороги, я выйду, – крикнул я водителю.

– Обормот передай, что на момент моего отсутствия, старший – Боцман, – приказал я радисту. – Шапка сиди и не дергайся, без тебя разберусь, – прикрикнул на девушку, видя, что она собирается вылезти из машины.

Поправив на плече автомат, сделал несколько шагов назад, убираясь подальше на обочину. Мимо меня проезжали машины нашего каравана и каждый пассажир считал своим долгом помахать мне рукой, я лениво махал в ответ. Интервал между машинами был приличный – пятьдесят метров. Когда появился нужный мне КамАЗ, я махнул рукой, показывая, чтобы автомобиль свернул на обочину.

– Давай, подождем, пока колонна пройдет, а потом сгоняем, проверим, что там за «папелац» гниет среди березок, – кратко проинструктировал я бойцов в кабине грузовика.

За рулем сидел дядька лет пятидесяти, худощавого телосложения, рядом с ним, на месте штурмана – стрелка, парень двадцати пяти лет отроду. Оба были похожи как отец и сын, почти одно лицо, только у пожилого морщин больше на лице, да голова седая как снег. Дядьку звали Черный, а молодого – Ваня. Да, кстати, они и были отец и сын.

– А трофеи, как делить будем? – первым делом спросил Ванька.

– Цыц! – дежурно, прикрикнул на сына Черный. – Не твоего ума дела! Надо бы еще кого-нибудь с собой взять, – обратился ко мне водитель, – втроем можем, не управится, если вдруг придется лиять по-быстрому.

– Шпик, прием! – вызвал я помощника.

– На связи. Прием, – отозвался Шпик.

– Спрыгнешь возле машины Черного, есть дело на пару минут. Прием!

– Командир, тут гости желают меня сопровождать, – отозвался Шпик. – Как быть? Прием.

– Гости?! – переспросил я. Бля! А я совсем забыл о троице с Толкучки. – Ну, раз желают, так тому и быть! – решил я.

Черного с сыном я отправил дальше, а сам остался ждать на обочине Шпика с гостями, их КамАЗ подошел через пару минут. Из кабины выбрался Игорь Тошин, по прозвищу Лентяй, а из самодельного кунга троица гостей, в сопровождение моего зама. В кабине грузовика остался водитель – Анатолий Карасев, прозванный своими – Вобла, причем погремуху он свою получил не из-за «рыбной» фамилии, а из-за частого употребления словосочетания «во-бля».

– И, шо, мы тут имеем? – спросил Тошин, рассматривая густой подлесок в оптику, навешанную на автомат. – Расстрелянный бус, неизвестной марки. Машина не горела, значит, в баке по любому осталась горючка, да и ствол «Утеса» торчит вверх, как мой хрен на новую ляльку Палыча, так, шо, Кэп, с уверенностью могу заявить, что расстрелянный

тарантас не шмонали и нас может ждать куча ништяков.

– Ага, или его заминировали и специально так оставили, – ворчливым тоном заявил Шпик. – Давай зацепим его тросом и дернем.

Тошин и Вова Шпик, вопросительно посмотрели на меня, ожидая приказа.

– Лентяй, обойди машину слева, вон там, – я показал рукой, траекторию движения. – Накинешь на кенгурятник карабин с тросом, а потом КамАЗом дернем это корыто вперед, там как раз метров десять пустого пространства. Только давай осторожно, под ноги смотри.

Игорь кивнул, и, задвинув АКМ на правый бок, полез в кунг за тросом.

– А зачем надо было останавливаться, неужели у вас такой дефицит оружия, что приходится рисковать жизнями, ради досмотра расстрелянных машин? – спросил предводитель гостей Седой.

– Толя проедь вперед, так чтобы длины троса хватило, – приказал я водителю КамАЗа. – Гоша, будь другом, залезь на кунг и «держи» дорогу в обе стороны. Лизонька, вот твой сектор, Шпик, ты возьмешь на себя вот эту и эту часть. Всем понятно? А, мы с Виктором Павловичем, пожалуй Лентяя подстрахуем.

Подчиненные Седого вопросительно посмотрели на своего командира, и, дождавшись утвердительно кивка, принялись выполнять мои приказы.

– На самом деле, со стрелковым оружием у нас никогда проблем не было, на складах столько еще всего есть, что правнукам хватит, – ответил я на вопрос Седого. – Просто, я стараюсь обращать внимание на любые мелочи и странности, происходящие на маршруте движения наших машин.

– Похвально, – одобрил мои слова Седой. – А вот вам и первая странность, – усмехнулся командир гостей: – Ваши парни из «Нивы» когда расстрелянную машину заметили? Вернее откуда?

Я завертел головой, прикидывая точку, откуда могли заметить скрытую среди густого подлеска машину. Интересно?! Получается, что ничего не получается. С дороги расстрелянную машину можно заметить, только из одной точки, той самой, где я сейчас стою, и то, просвет небольшой, всего пара метров, девять из десяти мимо проедут и ничего не заметят. Тут надо знать, куда смотреть.

– Абсолютно ничего это не означает! – уверенно произнес я. – У меня парни, три года уже караваны водят, они эту дорогу не глазами видят, они её жопой чувствуют, и если что здесь изменилось, то они это влет заметят, работа у них такая. Тем более, что расстрелянный автомобиль совсем свежий, он здесь не больше суток стоит, так, что ваши намеки совершенно не в тему.

– Боже упаси, какие, в самом деле, намеки? – всплеснул руками Седой. – Я, просто, указал на некие странности, но если для вашей группы это нормально, то я только рад за вас.

Я ничего не ответил, и разговор замялся сам собой. Пару раз мельком глянул на Седого. А дядька то, не простой. Интересно кем он был в прошлой жизни? Мент? Следак? Или контрразведчик? Как это он с машиной точно заметил, тут опыт специфический нужен, чтобы на такие мелочи внимание обращать.

– Кэп, на два часа, – Владимир рассматривал в коллиматорный прицел подступы к дороге.

Два мертвяка вышли из леса и медленно поплелись в нашу сторону.

– Не стрелять, – приказал я, доставая из подсумка половинку бинокля. Монокль, так сказать.

До мертвяков, было не больше ста метров, поэтому рассмотреть их во всех деталях в десятикратную оптику было не трудно. Мужчины, оба в «цифре», с разгрузками на груди. В бинокль было видно, что карманы разгрузок пустые, да еще и почерневшие от засохшей крови. У того, что ковылял справа, перебило руку чуть выше локтя, но совсем не оторвало, и она свисала вниз, держать на лоскутах кожи. Мертвец при ходьбе раскачивался из стороны в сторону, смешно размахивая перебитой конечностью.

Вид бредущих мертвецов не вызывал никаких внутренних чувств. Ну, идут себе покойники, подумаешь, что в этом такого? Ноги у них есть, вот они и ходят. Единообразное обмундирование мертвецов наводило на нехорошие мысли. Надо еще заглянуть в салон расстрелянного буса, хотя, я и

так знал, кого там увижу.

Игорь почти добрался до березы с тройным стволом, в которую уперся бортом «унимог», Лентяй шел медленно, внимательно всматриваясь себе под ноги, выглядывая мины и растяжки. Правильно, он боец опытный, знает, что надо делать.

– Седой, пусть, кто-нибудь из твоих, мертвяков упокоит, – предложил я, седовласому.

– Проверить решил? – ухмыльнулся Седой. – Ну, смотри! Лиса покажи фокус, как ты умеешь.

Женщина вскинула «винторез» и несколько секунд всматривалась в окуляр прицела. Я проследил траекторию, пытаюсь понять, почему она медлит и не стреляет, дистанция до цели была более чем хорошая – метров семьдесят, деревьев не было, лишь густые кусты, но они не закрывали обзор, стреляй, не хочу, вполне можно было и из пистолета мертвецов достать.

Щелк! – раздался негромкий одиночный выстрел, и оба мертвеца упали на землю. А, вон, чего она выцеливала, ждала пока головы зомби, окажутся на одной линии, чтобы можно было их убить одой пулей. Лихо!

– Слишком долго целилась, – проворчал я. – Шпик, подобный фокус, не раз показывал, только быстрее и из ПМа.

Стоящий, в нескольких метрах, Владимир авторитетно кивнул, подтверждая мои слова.

– Готово! – крикнул Лентяй.

Он зацепил тросом, наваренную на морду машины, решетку. Второй конец троса Толик накинул на буксировочный крюк КамАЗа. Водитель подождал пока Лентяй, отойдет подальше от расстрелянного автомобиля, а потом медленно направил грузовик по дороге. Трос натянулся как струна, КамАЗ взревел мощным движком, испустив густое облако выхлопа, «унимог» закрипев всем кузовом, подался вперед, проламывая себе дорогу в молодой поросли.

Ба-бах! – мощный взрыв, подбросил выдергиваемый из подлеска автомобиль как игрушечный. Фонтан земли взметнулся вверх, и совсем рядом, кто-то огромный стукнул кувалдой по пустой бочке, что было дальше, я не очень понял, так как меня отбросило взрывной волной на противоположную сторону дороги.

Сознание не потерял, лишь наглотался пыли, да дышалку сбил, влетев со всей силы спиной на толстый пень. Шлем отлетел в сторону, а вот автомат, слава богу, был на месте.

Поднявшись на ноги, вытер рукой вспотевшее лицо, тыльная сторона ладони, была в крови. Руки, ноги – были на месте, на теле кровавых пятен не расплзлось и инородных предметов не торчало. Лишь на щеке, и справа над виском щипало и саднило кожу, как от неглубоких царапин. Уже хорошо! В голове стоял звон, и кто-то колючий скребся об внутренности черепашки. Сотряс?! Контузия?! Хотя, это в принципе, одно и то же.

Седой лежал на правом боку, дорожная пыль под ним по-

темнела и набухла от крови. Пальцы на вытянутой правой руке мелко подрагивали, как будто Виктор Павлович пытался ухватиться за что-то, наверное, за жизнь хватался.

– От бисова шлэндра, курва пицьката! – Шпик, всегда в минуты особой опасности матерился на языке великих укров. – В пыхву таю лярву раздарить, тай у дупи зибрать!

Хохол вылез из кустов, в которые его забросило взрывом, при этом на его лицо без содрогания нельзя было смотреть – колючие ветки ободрали кожу на щеках и лбу до мяса, как еще глаза целы остались, уму не постижимо.

Лиза выбралась на дорогу, еле слышно шипя, сквозь зубы. Оружия, она, как я и Шпик, не потеряла, и сейчас оглядывалась по сторонам, в поисках опасности, потом её взгляд споткнулся о лежащего в луже собственно крови Седого, и она метнулась к нему.

Ничуть не боясь испачкаться в крови, женщина плюхнулась на колени перед раненым и перевернула его на спину.

Не жалец! Это я вам авторитетно заявляю, с такими ранами в нашем мире не живут. Грудь пробита в нескольких местах, на шее длинная рваная рана, да еще и бедро и левый бок, истерзаны так, что казалось, что их кто-то рвал клыками.

– Осколки. Болтами посекло, – Шпик, показал на сплюснутый болт, торчавший из «бронника» Седого. – Повезло тебе Кэп, считай, мужик на себя все осколки принял.

– Помогите! – вскрикнула Лиза, пытаясь разорвать лямки

РПСа, чтобы добраться до ран. – Ну, помогите же, чего вы стоите?

– Тащи её в машину, – кивнул я Вове.

Шпик, понятливо кивнул, и, ухватив женщину за плечи, приподнял с земли, она вначале подумала, что он хочет помочь с раненым, но потом сообразила, что её просто хотят увести, и начала вырываться. Владимир перехватил её поперек туловища и потащил в сторону КамАЗа, от которого навстречу уже бежали Гоша и Толик, оба, кстати, были целы и невредимы.

Так, а где Тошин, где этот Лентяй? Нехорошие предчувствия поскреблись в позвоночник. Последний раз я видел Игоря в двадцати метрах от вытаскиваемой машины, которая теперь, лежала почти на опушке леса. Может он лежит где-то в кустах раненый?

Нет. Игорь не лежал раненый среди молодой поросли деревьев. Он погиб.

Мля! Первый двухсотый в моей команде, за последний год. Твою мать, как обидно-то, на таком порожняке прокололись, такого пацана потеряли!

На хрена я полез смотреть этот унимог?! Вот на хрена?! Сука, дебил!!!

Лентяй поднялся из-за кустов, совсем рядом с дорогой, видимо его сюда отбросило взрывом, а при падении он свернул себе шею, по крайней мере, сейчас его лицо смотрела куда-то вбок, под совершенно противоестественным углом по

отношению к корпусу, у живых так не бывает. Жалко Игоряна, хороший парень был, надежный.

Одиночный выстрел, свалил Лентяя и тот, деревянным чурбаном, улетел обратно в кусты. Еще один выстрел и, поднявшийся в дорожной пыли труп Седого, плюхнулся обратно на дорогу.

В самом начале эпидемии, десять лет назад, мертвецам, чтобы ожить требовалось минут десять-пятнадцать, а сейчас спустя годы, трупы, оживали, практически сразу после смерти.

– Толян тащи Лентяя в кузов, – приказал я водителю, выворачивая карманы Седого.

Сейчас рассматривать и сортировать мелочевку, извлеченную из карманов некогда, я все это добро в рюкзак закину, а как выпадет свободная минутка, так все и изучу, особое внимание следует уделить пухлому блокноту и сложенной в несколько раз карте.

Мертвеца я ухватил за голенища ботинок и потащил к машине. Труп упаковали, в заранее раскинутый Толиком на земле брезент, получившийся сверток перетянули несколько раз веревкой и закинули в кузов. Прodelали все быстро и торопливо, никому не хотелось надолго здесь застревать.

В кабине машины поехали Шпик и Гоша, ну, и Толян, за рулем, понятное дело, а в кузове я и Лиза. Вначале Вовка порывался сопровождать Лису в кузове, мотивируя тем, что мне, как командиру, положено ездить только в кабине, но

перехватив мой суровый взгляд, понял, что ему обломится.

Лиза забилась в самый дальний от входа угол, и, скрючившись среди мягких баулов, принялась рыдать. Плакала она тихо, еле слышно, а потом и вовсе затихла, видимо уснула. Я к ней не лез, не было особого желания наниматься в няньки, да и разучился я людей утешать. Интересно, с чего Лиза так убивается, родственник ей Седой что ли?

Вдоль борта лежали два продолговатых свертка, из которых торчат подошвы ботинок, а ведь еще каких-то полчаса назад, это были живые люди. Сколько их таких свертков, уже было за последние годы? Десятки? Сотни? Всех и не сосчитать, да и надо их считать? Может, и я так буду скоро ехать, свернутый в брезентовое покрывало? Лентя жалко, очень хороший был человек, один из немногих, на кого я мог безоглядно положиться, зная, что он не предаст.

Глава 8

Я устроился поудобней, и, достав из кармана небольшое зеркальце, принялся рассматривать свою физиономию. Могло быть и хуже – всего пара царапин, да на голове, сразу над ухом вспухла огромная шишка. Бля! Как же я мог забыть свой шлем в кустах. Вот ведь, растяпа! Только три дня как купил его, почти пять золотых монет за него отвалил. Не шлем был, а одно загляденье – легкий, прочный, подложка внутри специальная, чтобы голова не потела и кожа дышала, и так бездарно его прое...протерять!

Царапины на голове обработал перекисью, и заклеил пластырем, потом еще и из носа кровь потекла, причем из обеих ноздрей одновременно. Точно легкую контузию схлопотал. Кровь все текла и текла, и никак не желала останавливаться, пришлось заткнуть обе ноздри смоченными в перекиси бинтами.

Это даже хорошо, что барышня в дальней угол забилась, не будет мне мешать, своим сопением думать. А поразмыслить было о чем.

На обочине дороги, по которой двигался наш караван, спрятанный в кустах, стоит расстрелянный кем-то автомобиль как две капли воды похожий на транспорт отряда Лехи Жида. Нет, не так. Машина не просто похожа, это она и есть,

потому что двух таких быть не может.

Леха Жид в самом начале всего это бедлама, который впоследствии получил звучное название – ЗомбиАпокалипсис, свинтил из земли обетованной на военном транспортнике, груженном двумя вездеходами «унимог», кучей оружия, боеприпасов, амуниции и командой таких же сорвиголов как и он сам. Объединяло их тогда одно – желание вернуться на родину, где холодно, много деревьев, пресной воды и нет арабов, то есть в Россию. Как на самом деле звали Леху, я не знаю, впервые увидел его три года назад и уже тогда его звали Жидом. Он, кстати, на это прозвище ни капельки не обижался, и даже зачем-то на капоте своей машины нарисовал мальтийский крест, на том самом «унимоге», который притащил в свое время из Израиля, вторую машину, они, кажись, в болоте утопили.

Промышлял Жид наемничеством, в явный беспредел, вроде работорговли не лез, но и святым Робин Гудом не слыл, короче, жил как все.

Леху с частью его отряда я нанял для того, чтобы они зачистили банду Сёмы Паука. А, что мысль весьма здравая и дельная, Паук, сука, такая, только на первый взгляд, тупой бандос и отморозок, а на деле, хитрющий и хваткий, что Чубайс в молодые годы.

Банду Паука, безуспешно пытались поймать и уничтожить уже несколько лет, еще Полковник снаряжал две экспедиции в земли Сёмы, да только ничем хорошим это не закон-

чилось, оба раза, казалось, что банду прижали и уничтожили, да только через пару месяцев, она вновь начинала промышлять разбоем и грабежами.

В последней экспедиции, даже, какого-то мелкого дрыща, с татуировкой паука на спине, на опоре ЛЭП вздернули, думали это Сёма, а потом оказалось, что это был вовсе не Паук. Все дело в том, что бандитам кто-то постоянно сливал информацию обо всех важных событиях в окружающих анклавах. Только этим можно объяснить фантастическое везение бандосов.

Именно, опасаясь утечки информации, я и нанял на стороне отряд солдат удачи. Но, где-то, Леха, спалился и ему сшили деревянный макинтош. Мало того, что машину Жида, вместе с ним расстреляли, так её еще и заминировали и нам подсунули. То, что это было неслучайное минирование, рассчитанное на абы кого и ежу понятно, уж больно все профессионально сделали. Не просто фугас поставили или растяжку, а еще и осколочную мину направленного действия установили – я, когда в КамАЗ залазил, оглянулся, и было хорошо видно с высоты кузова, просеку в поросли, которую осколки выстригли. Тот, кто минировал, рассчитывал достать всех, кто будет на дороге стоять в том самом месте, откуда лучше всего за спрятанной в подлеске машиной, наблюдать. Мы как раз в том месте все и стояли, я за несколько минут до взрыва разогнал Гошу, Лизу и Шпика по секторам, а так, очень бы мы компактно легли от осколков, ну, а мне,

только чудом выжить удалось – Седой принял на себя все, что мне полагалось.

Я только хотел было откинуться на близлежащий баул и подремать, как машина резко остановилась, и снаружи застучали чем-то тяжелым.

– Кэп? Кэп? – раздался голос Обормота, а потом полог откинулся в проеме показалась и его голова. – Командир, жопа полная, по всем направлениям засады! – эмоционально, но совершенно не информативно выдал радист.

КамАЗ догнал нашу колону, машины сейчас стояли растянутой вереницей вдоль дороги. Рядом со многими грузовиками топтались люди, сбившись в беспечные стайки, некоторые курили, а кто-то даже улегся в траву, загорая под последними лучами осеннего солнца.

– Витек, а можно как-то подробнее, уделяя больше внимания деталям? – пробурчал я, вылезая из кузова КамАЗа. – Что тут уже стряслось?

– Кто-то расчехлил колонну Желтого, и этот придурок, почему-то подумал, что это мы сделали, – огорошил меня радист.

– Чего?! Давай все по порядку! – не обращая внимания на торчащие из ноздрей бинты, я быстро пробежал вдоль дороги и залез в стоящую рядом с грузовиком «буханку». Радист бежал рядом, тараторя запыхавшимся от волнения голосом.

– Шапка, со мной все нормально, дуй в кузов КамАЗа, там барышня лежит, с ней поедешь, – отмахнулся я Ритки. –

Глянешь, что там с ней, похоже у неё контузия.

Обормот выдал совершенно дикую и выглядевшую со стороны бредом историю: минут двадцать назад Витька перехватил радиообмен, а точнее истошные крики бойцов Желтого, попавших в огненную засаду. Со слов Обормота, кто-то выкатил на прямую наводку ЗУшку и расстрелял треть машин в колонне Желтого, а потом взорвали мощный фугас на пути отхода оставшихся машин. Что произошло дальше, Витя не понял, так как связь оборвалась, но последнее, что он слышал – крики людей Желтого, что на них напали бойцы Полковника, то есть мы. Ну, и как это понимать?!

– Прокрути-ка мне запись радиоперехвата, – приказал я радисту.

– Нет записи, – замялся Обормот. – Я, этого, того, не успел включить.

– В «контру» гонял или порнуху зырил? – нахмурился я. – Вот не зря к тебе такая погремуха прилипла. Не зря. Обормот, ты и есть обормот.

– Командир, да, там, меньше минуты все заняло, – промямлил парень, – я, как услышал, что это пацанов Желтого шпилят, так и припух, ну, и растерялся, поэтому забыл запись включить.

– Растерялся он, – пробурчал я. – Адамыч, ты слышал радиоперехват? – крикнул водителю.

– Нет, – отозвался старик, – мы с Шапкой на улице прохлаждались, только когда этот дрыщ ушастый из машины вы-

бежал, стало понятно, что что-то не так. Что делать будешь?

– Что тут думать? – скривился я. – Драпать надо. Обор-
мот передай всем по колонне, что увеличим скорость до пре-
дельно допустимой. Если кто-то сломается, машину бросим.
Нам, кровь из носа, надо домой щимиться во всё лопатки.
Дома хорошо, там стены надежные и ЗУшки по периметру.

Адамыч пристегнулся ремнем безопасности, что, он,
кстати, делал очень редко, я тоже пристегнулся ремнем, а то
знаю, я этого старикашку, он так водит «УАЗик», как будто
это танк, а все кто внутри бессмертные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.